

концетосфера
взаия и актуализация

и содержательный
коммуникатор и коммуникант
структурный

еводческие трансформации
интерпретация произведения

коммуникатор и коммуникант
структурный

и как иностранный
структурный

и как иностранный
стиль

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LVII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2018

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:
Univ.-Prof. Mag. Dr. phil. Peter Deutschmann (Salzburg)
Prof. Mikhail Epstein (Emory University, USA)
prof. Алексей Алексеевич Гиппиус, д.ф.н. (Москва)
emer. prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
emer. prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:
Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jindriska.kapitanova@upol.cz, jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Bc. Otakar Loutocký

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)
Náklad: 45 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1

Num.

Vol. LVII

Olomouc 2018

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2018 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LVII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2018

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

DENNIS SCHELLER-BOLTZ: Feminine verb agreement in Russian interrogative sentences with kto (including a comparison with West and South Slavonic languages)	5
НИНА ОСИПОВА: Жанр поэтического некролога в поэзии Серебряного века и первой эмиграции	45
ЯРОМИРА ШИНДЕЛАРЖОВА: Фразеологические сравнения в современном речевом узусе молодого русского поколения в чешской среде	59
ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ: Мотив отросших рук в сказке «Безручка» и на иконе «Троеручица»	73

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

Bogusław Skowronek: Mediolingwistyka. (Ivana Dobrotová)	89
---	----

DENNIS SCHELLER-BOLTZ

Austria, Vienna

**FEMININE VERB AGREEMENT IN RUSSIAN
INTERROGATIVE SENTENCES WITH *KTO*
(INCLUDING A COMPARISON WITH WEST
AND SOUTH SLAVONIC LANGUAGES)¹**

ABSTRACT:

This paper focuses on the interrogative pronoun *kto* ‘who’ in Russian and aims at opening up a gender linguistics perspective on the paradox that one can postulate, on the one hand, that this pronoun has an explicit masculine gender assignment, while on the other hand Russian grammars characterise *kto* as having neither a grammatical gender nor sex. These systemic demands imposed by the language entail a discrepancy, particularly a logical one. Moreover, they embody the general androcentric worldview. Considering, inter alia, common-gender and hybrid nouns, this article will point out certain existing grammatical incongruences that have been established as correct, whereas similar grammatical incongruences in interrogative sentences with *kto* as the head are considered wrong. Some selected authentic material supports the conviction that a feminine context can be made apparent even when *kto* is used as the subject.

KEY WORDS:

Interrogative pronoun *kto* – hybrid pronoun – verb agreement – gender – gender linguistics

¹ This paper is based on research carried out in the framework of the project “Russian and Polish Grammar from a Gender Linguistic Perspective” funded by the Tyrolean Science Fund (TWF) from 1 January 2015 until 31 January 2016.

1. Introduction

This article deals with the question of why the interrogative pronoun *kto* ('who') in Russian cannot be combined with a predicate in the feminine form. Considering this pronoun as a hybrid pronoun and taking into account that hybrid nouns do show a feminine agreement with predicates in a feminine context, one must ask why such an agreement is not possible when *kto* is the head of a sentence. In addition, selected interrogative structures from West and South Slavonic languages will be provided to illustrate for comparative reasons how this kind of agreement pattern works in these languages. Moreover, there will be given a short overview on the agreement in relative clauses with *kto* because this will shed an interesting light on the feminine agreement as *kto* can be combined with feminine predicates here.

This contribution is primarily a compilation of theoretical thoughts. Yet, it also includes a practical, applied approach to the usage of interrogative pronouns. Most examples provided in this article, in particular those which relate to the theoretical framework, were created exclusively by the author. Those few examples which were taken from research literature are introduced accordingly, by providing their sources. Authentic material that gives an insight into the real, practical usage of the interrogative pronoun in explicitly feminine contexts was taken from the Internet and from the National Corpus of Russian Language. Sources are provided for these examples.

This article is not meant to propagandise any linguistic changes or political interventions. It is an examination of how language works, of how discursive factors as well as ideological assumptions influence the state, the description, and the use of language, and, last but not least, of how people actually speak. Moreover, it is interesting to analyse how agreement patterns in language change and why people use language sometimes in a different way than is prescribed in Russian grammar books.

Approaching such questions from a discursive and ideological perspective is quite common in the field of gender and queer linguistics. This is helpful with a common problem in linguistic research: if one analyses and assesses linguistic phenomena, linguistic options, linguistic variations, and standardised restrictions in a manner which is undifferentiated and rigorous only on the level of language systematics—that is from the conception of the language as a system of rather strict rules governing everything and creating a certain order—one becomes blind to possible problems, dubious solutions, and for the most part hitherto unchallenged inconsistencies, because everything seems

to be orderly and well established. In this view, all the systematic principles and regulations of the given language can be described in the field of grammar with its morphological and syntactic regularities.

In this context, the category of the noun can serve as an illustrative example. In Russian, like in many other languages, every noun is classified by its morphological ending, i.e. exclusively by the use of linguistic criteria. In Russian, there are three grammatical genders (*rod*)—feminine, masculine, and neuter. Every noun belongs to one of the three grammatical gender categories. The declension of each noun in both singular and plural follows the rules of their respective grammatical category. Consequently, nouns are primarily perceived, assessed, and ultimately used according to their grammatical gender, which determines how verbs and adjectives agree with them.

1.1. On Russian personal nouns for male individuals

However, in the case of personal nouns, the Russian language paints quite an inconsistent picture. It is interesting to note that in Russian, some words referring to men fall into the grammatically feminine category because of their feminine ending (e.g. *muzhchina* ‘man’, *iunosha* ‘boy, lad’, *dedushka* ‘grandfather’, *diadia* ‘uncle’). The same concerns diminutive forms of masculine personal nouns, which can also possess a feminine ending (e.g. *bratishka*—of *brat* ‘brother’; standard: ‘little brother’, slang: ‘pal, brother, bro’, *mal’chishka*—of *mal’chik* ‘boy’; colloquial: ‘little boy’, ‘male adolescent’, ‘cute boy’) as well as hypocorisms (e.g. *Misha* of *Mikhail*, *Vania* of *Ivan*, *Andriusha*, *Andriuha* of *Andrei*, *Dima*, *Dimka*, *Mitia* of *Dmitriy*) [cf. Corbett 1995: 37]. Then, there are so-called *imena sushchestvitel’nye obshchego roda* (*gender-ambiguous nouns*) which means nouns with a common gender (*genus commune*) which are able to refer to any person, irrespective of their sex (e.g. *dyl’da* ‘beanpole’, *rëva* ‘crybaby’, *sonia* ‘sleepyhead’, *trusishka* ‘coward’, *lezheboka* ‘sluggard’, *pridira* ‘niggler’). The fact that these phenomena exist is irrelevant to the aforementioned gender categories and is not generally questioned. Because of their ending *-a* (or, after a palatalised consonant, *i-a*) these nouns are forced by the language system to follow the paradigm of declension of feminine nouns and are inflected correspondingly.

1.2. On gender agreement in a gendered context

The situation is slightly different when it comes to the lexical category of the verb. This is illustrated by a closer examination of one part of the sentence: the predicate. In Russian, as in many other languages, the predicate is governed by the subject, which determines the person, grammatical gender,

and grammatical number because, as the principle basic entity of the sentence (*predikativnyi tseŋtr*), the connection between subject and predicate is the bearer of both meaning and logic. In other words, agreement between subject and predicate must be established [Ковалева 2006: 116]. We can conclude from this that, in a syntactic construction, a feminine subject in the singular requires a predicate which is in the singular and which has a feminine ending (*inflectional grammatical suffix*). The Russian verb paradigm of the present tense—one can find the same paradigm, for example, in Polish—only possesses inflectional suffixes signalling person and number (e.g. 1. pers. *-u* vs. *-em*, 2. pers. *-esh* vs. *-ete*, 3. pers. *-et* vs. *-ut*). They do not, however, distinguish between the different gender categories, which becomes evident when one looks at the verbal forms used for *on* ‘he’ and *ona* ‘she’ (e.g. *он/она купит*).²

The verb paradigms of the past tense differ from this so far as grammatical gender-specific suffixes appear in this category [cf. also Corbett 1995: 128]. However, in Russian, this only concerns the singular. In the plural, one finds a “neutralisation of gender” [Мельчук 2000: 254] because a distinction between feminine and masculine gender only appears in the singular (cf. *учитель говорил, учительница говорила, учителя говорили, учительницы говорили*).

Similar paradigms are found in Polish (cf. *chłopak szedł, kobieta szła, chłopaki szli, kobiety szły*).³ Yet, in comparison to Russian, Polish also possesses gender-specific suffixes in the plural (cf. *genus virile*)—which is also the case in some other Slavonic languages. In Polish, moreover, the designation of person, number, and gender can also be made in the future tense (cf. *kobieta będzie kupowała, on będzie kupował*).

1.3. Natural, lexical, and referential gender

Besides grammatical gender, personal nouns possess a natural gender and/or a lexical gender which has already been touched upon above. Moreover, nouns can acquire a referential gender. The natural gender is related to “the extralinguistic category of biological gender” [Motschenbacher 2010: 63]. Natural gender refers to and is associated with the sex of the person to whom one refers. Hence, one might also speak of *logical gender* here [Cam-

² In this paper, I do not consider any neuter forms at all, such as *ono poshlo* ‘it [e.g. the child] went’, because they are not relevant to the issue being considered here.

³ This illustration of the Polish verbal system is presented in a very simplistic way. It serves exclusively as a comparison with Russian with regard to the question addressed in this paper. Hence, the examples selected correspond to the aforementioned Russian examples. Other specific peculiarities of the Polish language’s verbal system can be ignored here, for they have no relevance to the topic at hand.

eron 1985: 90]. So, the noun *muzhchina* ‘man’ entails the natural property “male”, because *muzhchina* can exclusively be a male individual. As for gender agreement, this means that verbs and adjectives assume the grammatical gender corresponding to the natural gender of the noun and which, consequently, equals the sex of the referent [cf. Виноградов 1960, 1954, Шведова 1970]. The following examples show that grammatically feminine nouns refer to male persons and are therefore combined with masculine verb forms.

мужчина шёл
man-FEM.sg went-MASC.sg
‘the man went’

юноша шёл
(male) adolescent-FEM.sg went-MASC.sg
‘the young man went’

высокий мужчина
tall-MASC.sg man-FEM.sg
‘a tall man’

ну, добрый этот Миша!
well kind-MASC.sg this-MASC.sg Miša-FEM.sg
‘Well, Misha is so kind’

The same can be observed in Polish, as demonstrated by the example below.

przystojny mężczyzna przyszedł
good looking-MASC.sg man-FEM.sg arrived-MASC.sg
‘a good looking man arrived’

In contrast, personal nouns “possess lexical gender when they carry the semantic feature [female] or [male], independently of any context” [Motschenbacher 2010: 64]. So, the noun *brat* ‘brother’ is distinguished from the noun *sestra* ‘sister’ by its semantic features. The noun *brat* refers to a male person, whereas *sestra* is the female counterpart. The Polish noun *slawista* ‘Slavicist’ differs from *slawistka* ‘Slavicist’ in the fact that the first noun carries the feature [+male], whereas the latter carries the semantic feature [+female].

wysoki artysta szedł
tall-MASC.sg (male) artist-FEM.sg went-MASC.sg
‘the tall (male) artist went’

znany slawista szedł
famous-MASC.sg (male) slavicist-FEM.sg went-MASC.sg
‘the famous (male) slavicist went’

cybernauta szedł
(male) cybernaut-FEM-sg went-MASC.sg
'the male cybernaut went'

As one can see, natural gender and lexical gender are very close to each other. However, “[l]exical gender (as opposed to ‘natural’ gender) locates [sic!] the basis of the categories ‘female’ and ‘male’ not in biology, but in semantics” [Motschenbacher 2010: 64].

Neither natural nor lexical gender is related to grammatical gender, and neither of them has anything in common with grammatical categories. Consequently, the natural and lexical gender of a personal noun may diverge sharply from its grammatical gender. This precise peculiarity has an inevitable effect on the agreement of those nouns with verbs or adjectives. Whereas nouns that refer to objects always agree with verbs and adjectives according to their grammatical gender because they only possess a grammatical gender, personal nouns agree with verbs and adjectives according to the natural and/or lexical gender they possess.

Referential gender is a more pragmatic marker. It results exclusively from the given context or, to be more precise, a personal noun assumes a referential gender in actual language use [Motschenbacher 2010: 80–84]. Consequently, referential gender is established within a speech act. Like natural and lexical gender, referential gender is a semantic category. However, referential gender does not necessarily entail that the respective noun carries a natural gender. Moreover, referential gender may differ from lexical gender because the sex of the referent can diverge from the lexical gender of a noun. So, in the German sentence *sie ist der Herr im Haus* ‘she wears the pants around here’ (literally: she is the man in the house), *Herr* ‘man’ possesses a feminine referential gender, because the noun refers to a female person in this case. And as one can see in this case, the natural and lexical gender disagree with the referential gender.

1.4. Common-gender nouns

Having now discussed the different conceptions of gender, I would like to provide a brief overview of two particular noun classes where the distinction of the previously presented gender conceptions is highly relevant. This will give additional background information of importance to the topic of my paper.

I would like to begin with the class of common-gender nouns. These are nouns which can be used to refer to persons of any sex or, to put it more traditionally, which can refer to both men and women. In this regard, Mel’chuk [Мельчук 2000: 260] speaks of ambiguous double-gender nouns

(*dvurodovye sushchestvitel'nye*). This becomes evident when one takes a look at the agreement rules: in Russian, common-gender nouns are mostly *a*-stem nouns, which take the feminine grammatical gender (e.g. *sirota* ‘orphan’). However, if a common-gender noun refers to a male individual, both the verb and the adjective show masculine agreement [cf. also Виноградов 1954, Шведова 1970]. It is the referential gender that determines the gender agreement here, so that agreement is governed by semantic characteristics.

соня шёл
sleepyhead-FEM.sg went-MASC.sg
‘the (male) sleepyhead went’

соня шла
sleepyhead-FEM.sg went-FEM.sg
‘the (female) sleepyhead went’

настоящий дьлда
real-MASC.sg beanpole-FEM.sg
‘a real (male) beanpole’

этот бедный сирота
this-MASC.sg poor-MASC.sg orphan-FEM.sg
‘This poor (male) orphan’

эта бедная сирота
this-FEM.sg poor-FEM.sg orphan-FEM.sg
‘This poor (female) orphan’

In terms of common-gender nouns, one can note differences between Polish and Russian. In Russian, verbs and adjectives show agreement with nouns according to their referential gender, whereas in Polish, verbs and adjectives agree with feminine nouns exclusively by grammatical gender, irrespective of whether the noun refers to a male or female [cf. also Grzegorzczkova 1984, Nagórko 2012, Szober 1953]. One might actually expect masculine agreement in such cases; however, the gender agreement is governed by syntactic features.

On jest głupią beksą
he-MASC.sg is-MASC+FEM.sg stupid-FEM.sg crybaby-FEM.sg
‘he is a stupid crybaby’

On jest biedną sirotą
he-MASC.sg is-MASC+FEM.sg poor-FEM.sg orphan-FEM.sg
‘he is a poor orphan’

1.5. Hybrid nouns

The second significant noun class is the class of hybrid nouns. These are nouns which are unambiguously assigned to a grammatical gender category, but the corresponding verbs, adjectives, and pronouns are able to assume a grammatical gender different to the grammatical gender of the noun [Corbett 1995, cf. also Виноградов 1954, Шведова 1970]. Consequently, when using hybrid nouns, verbs, adjectives, and pronouns can agree with such nouns according to their morphological features (grammatical gender) or to their semantic features (referential, lexical, or natural gender).

[T]here are nouns which do not simply take the agreements of a single consistent agreement pattern nor belong to two or more genders. Rather, the agreement form used with them depends in part on the type of target involved [Corbett 2007: 251].

There are two main types of hybrid nouns. One type indicates an unambiguous grammatical gender that differs from the sex of the person to whom the noun refers. The German noun *Mädchen* ‘girl’ has served as a prominent example of this phenomenon, as demonstrated in detail by Corbett [1995] and Motschenbacher [2010]. From a grammatical perspective, the noun is neuter. However, the person to whom the noun refers is generally a girl. Consequently, the corresponding pronoun can be used in a neuter form (*es* ‘it’), as shown in the upper of the two examples below. However, feminine agreement (*sie* ‘she’) is also possible and moreover widespread, as demonstrated by the second example below.

Das Mädchen weinte. Es stand ganz allein da.
‘The girl cried. She [literally: it] stood there all alone.’

Das Mädchen weinte. Sie stand ganz allein da.
‘The girl cried. She stood there all alone.’

If the noun refers to a man, which would obviously be to lower his standing or to make fun of him, the corresponding pronoun would generally assume the masculine gender because of the referential gender of the noun (*Mann* ‘man’).

Dieses Mädchen. Er ist so eine Memme.
‘Oh, this girl. He is such a pussy.’

*Dieses Mädchen. Es ist so eine Memme.
‘Oh, this girl. He [literally: it] is such a pussy.’

On the other hand, when a noun is assigned a grammatical gender, but one and the same noun form is used to refer to both a man and a woman, it is also termed a *hybrid noun*. This is a significant phenomenon in the Russian

language. Nouns such as *vrač* ‘doctor’, *bukhgalter* ‘accountant’, *prokuror* ‘prosecutor’, or *deputat* ‘deputy’ all take the masculine gender, yet they are also used to refer to female persons. In this case, adjectives, verbs, and pronouns may take the grammatical gender of the sex of the referent, despite the obvious disagreement with the grammatical gender of the noun [Corbett 1995, Виноградов 1954, Шведова 1970, cf. however Виноградов 1960: 515].

The difference between common-gender nouns and hybrid nouns in Russian is that common-gender nouns only have one lexical form, which must be used to refer to male and female individuals. In contrast, it is potentially imaginable to derive a corresponding feminine form from a hybrid noun by using motion suffixes accordingly.⁴ However, this option is seldom used so that those nouns still remain hybrid. Moreover, when using common-gender nouns, the corresponding verbs, adjectives, and pronouns assume the grammatical gender according to the sex of the referent. Here, semantic gender agreement is always prescribed. In contrast, when using hybrid nouns in Russian, gender agreement can be established on the basis of both the sex of the referent and the grammatical gender of the noun. Consequently, verbs, adjectives, and pronouns can assume the gender of the noun, following morpho-syntactic agreement rules, or their grammatical forms can correspond to the referential gender, following semantic agreement. Yet, as Corbett [2015] states, it is more common in contemporary Russian to see semantic gender agreement of verbs, adjectives, and pronouns in such cases.

1.6. Gender agreement hierarchy or: making sex linguistically visible

A number of the examples above have shown that in Russian, the verb form in the past tense does not always exhibit the grammatical gender of the subject to which it refers, as the choice of the predicate form principally establishes an explicit reference to the sex of the subject. This primarily concerns nouns that refer to male individuals and, consequently, the use of masculine gender agreement. Thus, personal nouns that end in *-a* and are therefore grammatically feminine, but that refer to a male individual, are categorised—either according to their natural gender (such as *iunoshka* ‘lad’) or, in the case of common-gender nouns, to their referential gender (such as *sirota* ‘orphan’)—as logically masculine, independent of their grammatical gender. If these nouns appear as a subject in a sentence, the predicate will not follow the grammatical gender, but the sex of the individual, and consequently

⁴ Motschenbacher (2015) gives a detailed overview of the class of hybrid nouns in Croatian. His examples clearly show that Croatian possesses types of hybrid nouns that do not exist in Russian.

exhibit masculine form. The same applies to personal nouns that are grammatically masculine but possess femininity as a natural gender feature (e.g. *ledi* ‘lady’, *madam* ‘Madame’, *gërlfrend* ‘girlfriend’, *kiber-gërl* ‘webcam girl’). Verbs or adjectives “naturally” take the feminine grammatical gender in such cases.

However, the situation is considerably different for hybrid nouns and, as one must say, for the linguistic visibility of femininity. While it is always possible in Russian to make masculinity linguistically visible, by using appropriate grammatical forms, the possibilities to use feminine grammatical means in order to express femininity linguistically are often neither exhausted nor deemed highly necessary. Over the years, Corbett [2015, 2007, 2006, 1995, 1979a, 1979b] has investigated the norms of gender agreement in Russian and has derived what he terms a *gender agreement hierarchy* from his analyses. Although his focus has primarily been on hybrid nouns, he also considers common-gender nouns. Corbett states that in Russian, gender agreement can be established on the basis of (morpho-)syntactic and semantic features [cf. also Виноградов 1954]. Syntactic agreement “is agreement consistent with the form of the controller” [Corbett 2006: 155], so that gender agreement is established according to the grammatical gender of the corresponding noun. Semantic agreement “is agreement consistent with the meaning” [Corbett 2006: 155] and can be described as logical agreement, so that in this case, gender agreement is established according to the sex of the referent to whom a noun refers. Here, it is the natural, lexical, or referential gender of a noun that governs the gender agreement of the corresponding verbs, adjectives, and pronouns.

Corbett’s hierarchy consists of four categories: attribute → predicate → relative pronoun → personal pronoun [Corbett 1979b: 204]. He concludes that the visibility of sex using respective grammatical forms—meaning the visibility of semantics through grammar—increases within a sentence from left to right. The further to the right an element is located within a sentence, that means the further an element is located from its corresponding head noun, the more it agrees grammatically with the sex of the person referred to. In contrast, (morpho-)syntactic agreement is established within a sentence the further left an element is situated within a sentence, so that syntactic agreement decreases from left to right [Corbett 2007: 250–252, 1979b: 204]. In sum, Corbett concludes that, when using a hybrid noun—in a feminine context—that shows masculine grammatical gender, the attributive modifier is usually used in the masculine; however, a feminine agreement is possible. The predicate can take both masculine and feminine genders equally [cf. also Виноградов 1954]. As to relative pronouns, they are usually feminine, while

masculine pronouns are rarely used. Personal pronouns referring to the antecedent are normally used in their feminine forms, while masculine agreement is possible, but seldom used. Corbett [1979a] demonstrates these rules using his prominent example, *vračh* ‘doctor’.⁵

Иванова – хороший / хорошая врач
‘Ivanova is a good doctor’

Врач пришел / пришла
‘The doctor came’

Татьяна Иванова – врач, которая / который заведует этим корпусом.
‘Tatiana Ivanova is a doctor who supervises this building’

Я сегодня был у врача. – Что она сказала?
‘Today, I have been to see the doctor. – What did she say?’

новый врач сказал
new-MASC.sg doctor-MASC.sg said-MASC.sg
‘The new (male or female) doctor said’

новый врач сказала
new-MASC.sg doctor-MASC.sg said-FEM.sg
‘The new (female) doctor said’

новая врач сказала
new-FEM.sg doctor-MASC.sg said-FEM.sg
‘The new (female) doctor said’

but:

*новая врач сказал
new-FEM.sg doctor-MASC.sg said-MASC.sg
‘The new (female) doctor said’

There is a large number of masculine nouns in Russian that can be used to refer to women. This is primarily due to the ongoing tradition that masculine nouns can be used to refer to women because the generic masculine form allegedly includes women. Regardless of the fact that this statement is rather questionable, in the case of masculine nouns referring to a woman it must be noted that the verb and adjective forms show visible agreement with the sex of the person referred to, even though such gender agreement cannot be established in any grammatical cases, appearing mostly restricted to the nominative case [Corbett 1995: 238]. The same concerns possessive pronouns.

⁵ Those examples and possibilities were already discussed by Panov in the 1970s [Панов 2004].

наша гинеколог рекомендовала
our-FEM.sg gynaecologist-MASC.sg recommended-FEM.sg
'our (female) gynaecologist recommended'

твоя психолог больна
your-FEM.sg psychologist-MASC.sg ill-FEM.sg
'your (female) psychologist is ill'

The use of feminine agreement is very present in public language use today, as shown in the following examples:

наша гинеколог рекомендовала обратиться к педиатру-гастроэнтерологу, т.к. формирование интимной флоры идет из кишечника.⁶

девочки, а моя врач сказала сегодня, что йогурты влияют на пол ребенка. Это правда? кто йогурты кушал?⁷

Если твоя психолог больна, то может стоит обратиться к другому? [sic!]⁸

В северной столице нотариус уличена в оформлении незаконной сделки, передает РИА «Новости». Следствием установлено, что 33-летняя жительница Петербурга, используя служебные полномочия, помогла двум мужчинам обманным путем завладеть квартирой. [...] Нотариус была задержана оперативной группой 5-го отдела УБЭП.⁹

Nevertheless, it must be mentioned here that masculine nouns which refer to a woman are often still combined with verbs, adjectives, and pronouns in a masculine form. Corbett [2006: 211] demonstrates this using the following sentence uttered by a female tour guide:

Экскурсовод перед вами. Он поднял руку.
guide-MASC.sg in front of you. he-MASC.sg raised-MASC.sg hand
'Your tour guide is standing in front of you. He [she refers to herself here] has raised his [meaning: her] hand right now.'

⁶ Transl.: Our gynaecologist recommended to go to a paediatrist and gastroenterologist because the genital flora is built through the gut (online at: <http://forums.rusmedserv.com/archive/index.php/t-109756.html>).

⁷ Transl.: Hey, girls, my doctor said today that yoghurt affects the sex of a child. Is that true? Who has eaten yoghurt? (online at: <http://otvet.mail.ru/question/43445300>).

⁸ Transl.: If your psychologist is ill, can it then be worth seeing another? (online at: www.mixei.ru/archive/index.php/t-53183.html?s=f61d02661a71fe7048633e4d754a911c).

⁹ Transl.: In the capital of the North, a notary was caught in illegal transactions, as presented by RIA News. Investigation has substantiated that the 33 year old woman from Saint Petersburg abused her authority and helped two men to fraudulently take possession of a flat. [...] The notary was arrested by the task force of the Fifth Detachment of the Department of Economic Crimes at the Interior Ministry of the Russian Federation (online at: www.newsru.com/crime/05sep2001/notarius.html).

As one can see, gender agreement in a feminine context remains a confusing issue. And Corbett [1979b: 204] himself states that this linguistic phenomenon is constantly undergoing a lot of changes and is highly disputed. Yet, Corbett has nonetheless observed a number of changes over the years: while he concluded in 1979 that the use of masculine gender agreement in a feminine context—according to syntactic rules—was more common, he writes in his subsequent works that the use of feminine gender agreement—as judged by semantic features—has gained in acceptance over the years and can now be observed more often.

2. Russian interrogative sentences with *kto*: no feminine form possible?

With this introduction in mind, I will turn now to the Russian interrogative pronoun *kto* ‘who’. Although the interrogative pronoun *kto* can be seen as a hybrid pronoun that can refer to any person of any sex, it is interesting to note that this pronoun has always been assumed to be masculine, an assumption supported and suggested by the prescribed and standardised use of *kto*. This is illustrated by the following examples:

Кто пришел?
who.sg+pl came-MASC.sg
‘Who came around?’

Кто не знал?
who.sg+pl not knew-MASC.sg
‘Who did not know?’

Девушки, кто оставил ручку в столовой?
girls-FEM.pl who.sg+pl. forgot-MASC.sg pen in refectory
‘Girls, who has forgotten her pen in the refectory?’

This phenomenon can likewise be observed in Polish:

Kto przyszedł?
who came-MASC.sg
‘Who came around?’

Kto powiedział?
who said-MASC.sg
‘Who said that?’

Kto się malował?
who put-MASC.sg make-up
‘Who put make-up on?’

Note that there is an endless variety of examples to illustrate this phenomenon. It is conspicuous that the classification of the interrogative pronoun *kto* as masculine—or to be more precise, its attribution to the masculine category of grammatical gender—has never been described, explained, or even definitely confirmed, let alone questioned with any particular scepticism. An approach that exclusively focuses on language systematics and does not consider semantic and pragmatic aspects, much less logical connections, deprives the interrogative pronoun of the basis for ascribing it a defined grammatical gender—particularly from the perspective of lines of inquiry considering the gender-linguistic aspects of the language system. In other words, the language system prescribes a grammatical gender for the pronoun *kto* by default: masculine [Corbett 2007: 271, 1979a: 43–44]. This classification happens independently of context, on a purely normative basis, assuming a usage that is independent of person or gender [Corbett 1995: 46]. Thus, the ascribed grammatical gender appears to be arbitrary and even untenable, due to the lack of a logical foundation for this classification. I will now substantiate and explain this conclusion by way of a comprehensive characterisation of the pronoun.

2.1. Genderless masculinity or: is there really no gender in *kto*?

Russian grammar experts have hitherto perceived the interrogative pronoun *kto* in the same homogeneous manner. There is only a small number of exceptions, which I will mention later. In almost all academic treatises on grammar [e.g. Виноградов 1954, 1960, Шведова 1970], the authors have emphasised the lack of grammatical gender and sex of *kto*. It is generally stated that the pronoun cannot be ascribed a gender category. Russian native speakers usually affirm that *kto* is rather gender-neutral because it is capable of referring to persons of either male or female sex.

However, when considered from the perspective of the language system, this opinion entails an incontestable discrepancy. And in this case the boundary between grammatical gender and sex is obviously blurred, if not cancelled out altogether. Yet, if we consider this effect from the point of view of the language system, we notice that the boundary between grammatical gender and sex is cancelled out in favour of masculinity and at the expense of femininity [see here also Gastil 1990]. This becomes particularly evident when the traditional rules of congruence and the real usage of *kto* are observed together. Moreover, the question arises as to whether *kto* does actually appear to be a genderless word—and whether it is, from a cognitive perspective, perceived as such—if the language system

forces *kto* to unambiguously adopt the masculine gender.¹⁰ Because of this, three hypotheses can be put forward:

1) From a general language systemic viewpoint, one may argue that if *kto* is really used in a genderless fashion, one would have to expect this genderlessness to also appear in syntactic structures with regard to the grammatical congruence between the pronoun and the verb. Consequently, the norm that *kto* can only be supplemented with a verb in the masculine form would have to be rejected.

2) In addition, one may formulate the hypothesis that, if one assumes that *kto* has no grammatical gender and can refer to individuals of either sex precisely because of this (grammatical) genderlessness, then one would have to conclude that it must be possible to characterise *kto* with both genders. Because, if genderlessness is assumed, masculinity would not be allowed to be preferred or standardised, as this would directly oppose and contradict said genderlessness [Scheller-Boltz 2013b]. In a context dealing explicitly with the feminine, *kto* would have to be characterised accordingly, particularly by the use of feminine verb inflections.

3) From a morpho-pragmatic and, moreover, socio-linguistic viewpoint, one may assume that the general perception of *kto* as a genderless interrogative pronoun might perhaps encourage some Russian speakers to—unconsciously or maybe even consciously—combine the pronoun with verbs in a feminine form in order to affect a particular gender marking and, consequently, to take account of said genderlessness. If so, one would have to ask for the reasons of such a grammatical departure. Is it purely used to enhance the visibility of femininity or are there certain morpho-pragmatic, socio-linguistic, and (con)textual factors that might govern and justify the use of femininity in this case?

2.2. The morphological characteristics of *kto*

The pronoun *kto* comes from the Old Church Slavonic form **kъto* (*kuta* in Proto-Slavonic) which was said to possess neither gender nor number. The interrogative pronoun is a combination of two elements. The first part *kъ* served as a particle for asking a question, whereas the latter part *to* was a deictic element [Трубачев 1987: 248]. The element *kъ* was assigned

¹⁰Cf. the experiments on male and female images in the context of the generic pronouns *he*, *he/she*, and *they*, conducted by Gastil (1990).

the masculine grammatical gender. As to the latter element *to*, Vasmer¹¹ states that the gendered elements *tot*, *ta*, *to* ‘that’ are derived from the Proto-Slavonic words **tъ*, **ta*, and **to* which hints at the latter element in **kъto* (literally: *kto to* ‘who this’) having been neuter. Yet, although a masculine question element had been agglutinated with a neuter deictic element in this instance, the compound word was not ultimately considered as grammatically neuter; *kъ* governed the grammatical gender of the compound so that *kъto* was recognised as grammatically masculine. Nevertheless, the word was considered functionally gender-neutral, although it remains unclear how long this gender-neutrality has existed for.

Today, the *kto* declension paradigm already suggests a certain masculinity because the endings of the different cases (*kogo*, *komu*, *kogo*, *kem*, *kom*) are—with the exception of the instrumentalis case—virtually identical to the declension paradigm for masculine adjectives (e.g. *malyi* ‘little’) and of deadjectival masculine nouns (e.g. *portnoi* ‘tailor’). Kovaleva [Ковалева 2006: 84] emphasises the masculine appearance by pointing out that *kto* is declined like the masculine pronoun *этот* ‘this’. A definite classification of *kto*, however, is nowhere to be seen, as *kto*—being the only interrogative pronoun for persons—has no inherent grammatical, lexical, or natural gender and thus must be used independent of gender since it has no forms that would allow a differentiation according to gender. Moreover, *kto* does not change form depending on grammatical number—the pronoun is exclusively used in the singular form.

In his *Academic Grammar of the Russian language* [Виноградов 1960], Vinogradov summed up all these morphological characteristics in his definition of *kto*.

Местоимения кто, что не имеют форм грамматического рода и числа. Сказуемое при подлежащем кто ставится, как правило, в мужском роде единственного числа независимо от пола и числа лиц, о которых идет речь, напр.: Кто пришел? Кто из девушек это заявил? Кто из работников сегодня заболел (болен)? Все, кто был свободен, уехали за город [Виноградов 1960: 393].

I would like to illustrate these points with some additional, thematically selected examples which are individually created by myself:

Кто ездил? – Григорий ездил!
‘Who drove? – Grigorii drove!’

¹¹ This information is quoted from the online issue of the *Étimologičeskii Slovar’ Russkogo Jazyka* by Max Vasmer (transl. from the German version *Russisches etymologisches Wörterbuch*), online at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-13725.htm> [last accessed on 14 July 2016].

Кто пришел? – Маша пришла!
'Who came around? – Masha came around!'

Кто опоздал? – Иван и Борис опоздали!
'Who came late? – Ivan and Boris came late'

Кто из девушек оставил ручку в столовой? – Ручка принадлежит Маше!
'Which of the girls forgot their pen in the refectory? – It's Masha's pen!'

Девушки, кто не сдал? – Оля не сдала!
'Hey, girls, who did not pass? – Olya did not pass!'

2.3. On the function and meaning of *kto*

There are a range of approaches to describing the functions of *kto*. In most Russian grammars, semantic and functional aspects are frequently discussed together due to their obvious interdependencies and described in the context of semantics (in this regard, see Doleschal 2002 for a similar phenomenon in German). Linguists often only discuss the meaning of pronouns (*znachenie mestoimenii*) and add functional aspects to this discussion (e.g. Колесникова 2008: 262, Матийченко 1957: 159, Матийченко 1954: 193, Щерба 1949: 118]. This approach is justified, as pronouns' function and functionality have a direct impact on their semantic content. However, functional aspects usually dominate these discussions. The description of semantic aspects is considerably shorter and more superficial in most cases. This is deplorable, since a semantic analysis of *kto* could provide valuable insights into the (potential, since variable) structure of its content—which would appear to be relevant, particularly in the context of gender.

Mulisch [1975: 319] ascribes *kto* a communicative function, because—unlike other autosemantic lexical categories—pronouns do not designate phenomena of the real world but indicate their existence or non-existence in either a context or communicative situation, respectively. Kovaleva [Ковалева 2006: 78f, 84] also distinguishes between the meaning and function of *kto*, albeit not as explicitly. On the one hand, she emphasises the referential function of the pronoun. On the other hand, she ascribes it a lexical and grammatical meaning.

Like all pronouns, *kto* fulfils the function of representing “something”. It is a placeholder for a person or a group of persons [Corbett 2007: 271]. Pronouns are thus words which can be used to replace nouns, adjectives, and numbers [Щерба 1949: 118], the exact content of which is unknown at the moment of speaking [Виноградов 1954: 361]. Interrogative pronouns (*voprositel'nye mestoimeniia*)—a group that also encompasses the words *chto* ‘what’, *kotoryi* ‘what kind of’, *kakoi* ‘which’, *chei* ‘whose’, and *skol'ko*

‘how much, how many’—introduce a question that is understood as a person’s desire “to ask something”. In its undefined form, the interrogative pronoun *kto* replaces a noun (*mestoimennoe sushchestvitel’noe*, *mestoimenie-sushchestvitel’noe*) which in principle designates a person of either sex. One uses *kto* to inquire about one or several persons who, at the time of asking, is/are not yet known and whom we want to acquire information about [cf. Corbett 1979a: 43–44]. The answer that is expected to be given to this question ideally provides the required information.

К разряду местоимений относятся такие слова, которые указывают на предметы и на их признаки, но не называют их и не определяют их содержания. Конкретное значение местоимения получают только в условиях связной речи [Виноградов 1960: 385].

This function of *kto* delivers an insight into its seme structure or semantic content, since the meaning of the pronoun arises directly from this specific function. At first glance, *kto* certainly shows a weak—or even vague and opaque—meaning, because it primarily sticks out due to its function within the sentence. This functional component flows directly into the seme structure of *kto* and thus becomes a constitutive feature of its overall meaning. The communicative function of *kto* provides it with its own referential semantics [Mulisch 1975: 320] and with its meaning as a question word. Yet, it would be wrong to conclude that *kto* has a meaning relating more to function than content. This is highlighted by its seme structure, which encompasses the following components: [+person], [(+)being], [+animate], [(+)inanimate], [+male], [+female], [+intersex], [+trans], [+sexless], [+unknown], [+existant].¹² Like Shcherba [Щербя 1949: 118], one can conclude that interrogative pronouns—like most other pronouns—have little concrete meaning. Their particular meaning is realised only within the evolving act of communication because it is only then that interrogative pronouns can produce their

¹²The categories governing the use of the interrogative pronoun *kto* are not strict at all. One can observe a smooth transition between opposing categories, e.g. animate/inanimate. Sometimes *kto* and *chto* show parallel usage. Thus, *kto* refers to living objects (category: animate, i.e. persons), but *kto* can also replace animals or beings of all kinds (category: “conditionally inanimate”, e.g. mythical creatures, fairytale figures, fantasy creatures, other fictitious beings). That is why nouns such as *domovoi* ‘house spirit’, *rusalka* ‘mermaid’, or *kukla* ‘doll’ can also be replaced in an interrogative clause by the pronoun *kto* [Матийченко 1954: 72, Мельчук 2000: 201f]. As a consequence, one can pose the question of gender in some cases. Given that a specific, direct gender assignment turns out to be impossible for some creatures, gender assignment is the result of stereotyping and of the transposition of human ideas onto fictitious entities in many cases. These creatures and beings do not possess any “gender reality”. The interrogative pronoun *kto* can thus refer to genderless creatures and beings as well as to creatures and beings subject to the transposition of reality and the projection of a non-real gender that is close to reality.

real, transparent reference. Their content is rather abstract, although one can nevertheless have an idea of what it is [cf. Колесникова 2008: 262]. Similarly, Chesnokov [Чесноков 1992: 107] states that interrogative pronouns receive their content through information and context that is produced during the speech act. In contrast, Matiichenko questions the semantic meaning of interrogative pronouns.

Весьма часто местоимение вообще не заменяет никаких определённых слов, например, в вопросах: Кто приехал? Какая сегодня погода? Сколько у тебя карандашей? Здесь местоимения кто, какая, сколько указывает лишь, что вопрос касается лица (кто?), признака (какая погода?), количества (сколько?), но никаких определённых слов эти местоимения не заменяют [Матийченко 1954: 193–194].

At first glance, the morphological, functional, and semantic description of *kto* does not exhibit much that deserves attention: *kto* possesses neither grammatical gender nor sex. It can be filled with a diverse range of information; above all, it can represent any gender. One can use it to inquire about a person of any sex or gender identity (as well as of somewhat uncertain sex) and furthermore about groups consisting of individuals of homogeneous, heterogeneous, or uncertain sex. This consequently indicates that the pronoun must have a kind of sex, or at least the capacity to assume a sex which actually varies according to the context. Because the pronoun can refer to persons of any identity and sex, one might say that the interrogative pronoun is distinguished by a certain kind of pansexuality and, hence, entails a universal sex.

Nonetheless, *kto* has been given a definite place within one system-oriented branch of linguistics, morphology, since there is a precise concept of what grammatical rules need to be observed when using *kto*. The established masculinisation of the pronoun directly questions or cancels out its alleged genderlessness or gender-neutrality. This norm becomes evident when one compares the norms of the *langue* level to the corresponding actual speech acts produced by the community of language users on the *parole* level. By normalising and regulating the language, the language system provides the basis for language usage. Thus, concrete speech acts in real life reflect the norms and interpretation of norms on the level of the language system.

2.4. *kto* between norm and usage or: norm lacks logic

The usage of the interrogative pronoun *kto* in communication highlights the influence of normative concepts and rules caused by the language system. As the language system requires a masculine predicate to agree with *kto*, every speech act contains a direct reference to grammatical gender. Not

only is this illustrated by the examples provided for *kto* in the all treatises and books on Russian grammar, morphology, and word formation, but the explanations given by the authors also explicitly point out the necessity of using the predicate in the masculine form. In this way, they shape and enforce the apparent masculinity of the pronoun despite their insistence on its genderlessness or gender-neutrality by taking refuge in the term *common gender* (*obshchii rod*). The fact that *kto* stresses one's ignorance about a person within a given context but is required by the language system to be used with a verb in the masculine form is, evidently, paradoxical.

The language system-related principles appear a little odd when the language system forces *kto* to be combined with a predicate in the masculine form within a context which refers explicitly to persons of the female gender or sex [cf. also for Slovenian Doleschal 2015: 353].¹³ For example, if language users assume that a person whom they are inquiring about is or has to be female, the usage of a masculine predicate would appear to be rather questionable, or even out of place.

¹³In this regard, it must be mentioned that the “genderless masculinity”—as I would like to put it—of the interrogative pronoun *kto* is not only typical of Russian or just of the Slavonic languages in general. The same can be observed in other languages, such as French: *Qui est arrivé à Paris?* (Who has [masc]come to Paris?) or German: *Wer hat seinen Lippenstift vergessen?* (Who has forgotten his—actual meaning: her—lipstick?). However, some languages have undergone ground-breaking changes over time. So, in German, the use of feminine verbs is still not considered as normative here, yet, the use of a feminine congruence (e.g. *Wer hat hier ihren Lippenstift vergessen* ‘Who has forgotten her lipstick here’) is visibly increasing in contemporary language use, in cases when the pronoun refers explicitly to a woman (cf. Reiss 2007). In English, the feminine form must be used in an explicit feminine context (e.g. *Who [of the girls] has forgotten her lipstick here?*). However, the use of the neutral plural *they* and *their* respectively is today a wide-spread and generally accepted manner in which to avoid the use of a masculine form and to refer to an unknown person in a neutral way. Consequently, a question such as *Who [of the girls] has forgotten their lipstick here?* is also considered correct [cf. Doleschal 2002]. In the case that the interrogative pronoun *who* refers to a person of unknown sex, the respective pronoun can be used in a masculine form (e.g. *Who has forgotten his pen?*); yet, the use of the plural *they/their* is also possible and a wide-spread way of taking account of gender-neutrality (e.g. *Who has forgotten their pen?*). The situation is quite similar in Greek, which possesses a masculine and a feminine form of *who*. Each of them moreover have a singular and plural form (sg. – masc.: *poios*, fem.: *poia*; pl. – masc.: *poioi*, fem.: *poies*). The different forms are probably descendents of the interrogative pronoun for ‘which’ and ‘what kind of’, which possesses different grammatical genders. In an explicitly feminine context, the use of the feminine variants of *who* is obligatory. In a masculine context, the masculine forms are used respectively. However, with reference to a person in general, in particular, if the person or the sex of the person to who is referred is unknown, the masculine form of *who* in singular is used, which fulfils the function of a generic masculine. In a mixed-gender group, the use of the masculine form in plural is prescribed, and therefore used as a generic masculine plural [cf. Idiatov 2007]. An illustrative overview of German pronouns (including interrogative pronouns) from a historical perspective is given by Doleschal (2002).

Кто не пришёл? Маша или Юлия?
'Who did not come around? Masha or Yulia?'

Одна из учительниц поставила двойку! – Кто это сделал?
'A (female) teacher gave this work an F! – Who did that?'

The usage of the masculine predicate appears even odder when the speaker is directly asking a group of women a question starting with *who* or *who* of you, with the speaker knowing that the person they are looking for must be part of the group.

Девушки, кто оставил ручку в столовой?
'Hey, girls, who has forgotten their / her pen in the refectory?'

Девушки, кто мне ещё деньги должен?
'Listen, girls, who of you still owes me money?'

Кто из вас, девчонки, взял с собой мобильник?
'Girls, who of you has got a mobile phone at hand?'

Дорогие женщины-красавицы! Кто из вас не знал, что самое красивое в жизни это женщина!
'Dear ladies, beauties! Who of you did not know that the most beautiful thing in life is a woman!'

Last but not least, ironic or rhetorical questions addressed at a female individual appear rather weird when combined with a masculine predicate:

Дина, а кто мне сказал, что хочет в кино пойти? Разве не ты?
'Dina, but who told me to go to the cinema? Wasn't it you?'

Бабушка, а кто предложил варенье сварить? А теперь жалуешься!
'Grandma, who wanted to cook jam? And now you are complaining!'

The same strict rules can be observed in Polish, Czech, Serbian, and Slovenian, as can be seen in the following example.

Polish:
U mnie kilka dziewczyn nie zaliczyło egzaminu. – Kto u ciebie nie zaliczył?
'Some girls did not pass in my class. – Who did not pass?'

Czech:
Holky, kdo z vás tady nechal ležet knížku?
'Girls, who of you has forgotten her/their book here?'

Serbian:
Девојке, ко је ту заборавио књигу?
'Girls, who of you has forgotten her / their book?'

Slovenian:

Kdo je to napisal? Eva ali Janez?¹⁴

‘Who wrote that? Eva or Janez?’

Yet, in both Czech and Polish, there is another possibility of making the feminine context visible in such cases. As illustrated by the following two examples, the use of a feminine pronoun *která* and *która* respectively (literally: ‘which, what kind of’; here: ‘who.FEM [of you]’, mostly used in relative clauses) avoids any masculine form [see also Valdřová 2013: esp. 150].¹⁵

Czech:

Holky, která z vás tady nechala ležet knížku?

‘Girls, who of you has forgotten her book here?’

Polish:

Dziewczyny, która z was zapomniała książkę na stole?

‘Girls, who of you has forgotten her book here?’

U mnie kilka dziewczyn nie zaliczyło egzaminu. – Która u ciebie nie zaliczyła?

‘Some girls did not pass in my class. – Who did not pass?’

Corbett [1995: 222] additionally points out that Polish possesses the substitute forms *któreś* and *które*.

Słowa „Które z was to zrobiło?” można skierować do dzieci lub do osób różnej płci, np. rodziców. Pytając tak, zakładamy, że wśród adresatów jest sprawca, i chcemy ustalić, kto nim jest, spodziewamy się więc wskazania konkretnej osoby. Natomiast pytanie: „Któreś z was to zrobiło?” nie implikuje takiego założenia, można na nie odpowiedzieć: „Tak” lub „Nie” [Słownik Języka Polskiego, PWN].¹⁶

It is interesting to mention that, in Macedonian, both variants are possible.¹⁷ So, in a feminine context, one can use the masculine and feminine verb form, as can be seen in the next examples:

masculine:

Девојчиња, кој си ја заборавил книгата?

‘Girls, who of you has forgotten their / her book?’

feminine:

Девојчиња, кој си ја заборавила книгата?

‘Girls, who of you has forgotten their / her book?’

¹⁴ This example is taken from Doleschal [2015: 353].

¹⁵ Cf. the similar situation in Greek, as presented in note 13.

¹⁶ Taken from the Internet, online at: <http://sjp.pwn.pl/slowniki/kt%C3%B3re%C5%9B-z-was.html> [last accessed 14 July 2016].

¹⁷ Here, I would like to thank Sonja Koroliov for her example and for her useful remarks with regard to the Macedonian language.

The fact that the Russian language does not reflect the woman or the femininity in an explicitly feminine context raises the question as to whether this, to a certain degree, is an act of discrimination or “overt sexism” [Mills/Mullany 2011: 152]. On the one hand, *kto* is assumed to be genderless and its reference to sex is rigorously denied. On the other hand, *kto* is required to adopt a masculine predicate. Because of the latter rule, combining *kto* with a predicate in the feminine form constitutes a diversion from, or even an infringement upon, the norm. As a grammatical phenomenon or possibility, such cases are met with little acceptance. Female native speakers who have had no or little formal training in grammar and language also reject the idea of combining *kto* with a feminine predicate, or are hesitant to do so. The arguments put forward in support of this attitude appear rather incomprehensible, mundane, and superficial. In general, female native speakers will point out the norm that they have consciously or unconsciously acquired and add, with an air of resignation: that’s just the way it is [cf. also Tafel 1997]. Nevertheless, the following example seems to be correct, and can be regularly overheard in everyday language use (however, the difference to the abovementioned interrogative sentences is obviously small and might be somewhat less comprehensible):

Кто была эта женщина?
Who was-FEM.sg this-FEM.sg woman-FEM.sg
‘Who was this woman?’

Corbett [1979a: 45] provides a similar example which confirms the use of feminine agreement in interrogative sentences:

Кто из лыжниц пришла первой?
Who of skiers-FEM.pl came-FEM.sg first-FEM.sg
‘Who of the skiers came around first?’

Whereas the use of masculine agreement is incorrect here:

*Кто из лыжниц пришел первым?
Who of skiers-FEM.pl came-MASC.sg first-MASC.sg
‘Who of the skiers came around first?’

Questions with those structures can also be found in the *National Corpus of the Russian Language*,¹⁸ as shown by the following selected examples.

¹⁸The National Corpus of the Russian Language (NKRJ) can be found on the Internet, online at: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Ир, а кто была эта девушка? — спросила я.
'Ira, who was that girl, I asked'

[taken from the NKRJ: A. V. Zhvarevskii, E. Pasternak. *Vremja vseгда choroshee*, 2009]

Например, кто была ваша первая жена?

'For example, who was your first wife?'

[taken from the NKRJ: *Komsomol'skaja Pravda*, 11.06.2013]

These examples illustrate that *kto* can be combined with a feminine verb form in an interrogative sentence. However, this seems to be true only for a certain sentence type. The interrogative sentence must already contain a personal noun referring to the (female) person, about whom a speaker wants to obtain more detailed information. Such predicative nouns fulfil the function of the subject which governs the agreement of the verb and the adjective. In those cases, the *who* question is asked in order to specify and concretise the context that has been already hinted at. Usually, such questions intend to elicit the name or the function of a (female) person and it is already clear that the person, whom the speaker is enquiring about, must be a woman. As a consequence, the verb does grammatically not agree with the interrogative pronoun but with the feminine noun that is a part of the interrogative sentence. A masculine verb form would provoke a breach of agreement norms here (e.g. **kto byl eë mat'*). However, as one may assume this rule to be correct, it is not surprisingly only the verb *byt'* 'to be' that can appear in a feminine form, because only sentences with *byt'* are able to contain a feminine noun (e.g. *kto byla ona?* 'who was she', *kto byla eë mat'* 'who was her mother', or *kto byla ego muza?* 'who was his muse').

Nevertheless, the question still remains unanswered as to why a feminine agreement seems to be unthinkable when *kto* appears in a feminine context, even without an additional feminine personal noun. As I said, this can be interpreted as a discriminatory act, which consists of the man and, consequently, the grammatical masculine form appearing and being recognised as the ideal of animacy [Comrie 1989: 196]. For this reason, the masculine form can always be made visible in a syntactic unit—for example in the case of grammatically feminine nouns or common-gender nouns—but, as I have indicated in this paper, the masculine form is also used in contexts where the sex of a person is unknown or even where one refers to a mixed-sex group. Here, the immense influence of ideology and ideological beliefs "which have certain conceptual links, but which individual subjects will negotiate, affirm, and/or resist" [Mills 1995: 149] becomes highly visible. Ideology, as a concept and a conviction about how the world is and should be, has a great impact on the disproportionate power relations of the gender

constellation. It is the patriarchal and thus androcentric world view that makes the man visible and leading and the woman the deviant creature instead. Consequently, masculinity is seen as something “better” and, hence, more human, whereas femininity is marginalised. This ideological assumption is mostly seen as natural and a granted fact.

Ideologies are closely linked to power, because the nature of the ideological assumptions embedded in particular conventions, and so the nature of those conventions themselves, depends on the power relations which underlie the conventions; and because they are a means of legitimizing existing social relations and differences of power, simply through the recurrence of ordinary, familiar ways of behaving which take these relations and power differences for granted [Fairclough 2001: 2].

However, and as Bucholtz states,

ideological systems themselves exist as cultural constructs, subject to processes of change and revision by individuals and groups [Bucholtz 1999: 14].

As a consequence, ideological beliefs can be found in language and can be expressed through language as well. More adequately, one must say that language reflects and maintains ideologies.

Ideologies are closely linked to language, because using language is the commonest form of social behaviour, and the form of social behaviour where we rely most on ‘common-sense’ assumptions [Fairclough 2001: 2].

As a consequence, using language in everyday life means continuing to strengthen and maintain common ideological beliefs in both society and language.

[People] use language in ways which are subject to social convention. And the ways in which people use language in their most intimate and private encounters are not only socially determined by the social relationships [...], they also have social effects in the sense of helping to maintain (or, indeed, change) those relationships [Fairclough 2001: 19].

Using language, one unconsciously establishes and confirms existing power relations within society and linguistically reflects the patriarchal and androcentric societal order. With regard to the interrogative pronoun *kto*, it can be argued that the masculine verb form is prescribed because the sex of the person to whom one refers is either unknown or not exactly visible in most cases. In those cases, the more visible and ideal gender is used (by default) which means the masculine form. The masculine form as the ideal and the norm represents the rule. And a system, and consequently also the language system, works on rules. The fact that *kto* has to be combined

with a masculine form is prescribed by the language system. According to Zimmermann [1996: 106], this might be called “relationships of linguistic violence”; the fact that the pronoun is actually used according to the norms is, in contrast, interpreted as an active “exercise of linguistic violence”.

The same ideological grammar rules apply when *kto* changes pronominal category in the wake of an affixation. Thus, a predicate which is combined with the negative pronoun (*otritsatel'noe mestoimenie*) *nikto* ‘no-one’ as an expression of negation, or with the indefinite pronouns (*neopredelënnoe mestoimenie*) *kto-to* ‘someone’, *kto-libo* ‘anybody’, *kto-nibud'* ‘anybody’ and *koe-kto* ‘someone’ as an expression of not knowing a person, is required to adopt the masculine form—a phenomenon which is standardised by the language system and accepted and maintained on a socio-cultural level.

Никто из девушек мне этого не сказал.
‘None of the girls told me that’

Кто-то из твоих подруг звонил.
‘One of your (female) friends called’

Кто-нибудь из девушек спросил, где это находится?
‘Has anyone of the girls asked where that is?’

Кто-либо из девушек был там?
‘Has anyone of the girls been there?’

Кое-кто из моих подруг пришёл.
‘One of my (female) friends came around’

3. *kto* as a relative pronoun or: logic within a relative clause

Morphologically, the use of *kto* is not completely restricted to combinations with masculine forms, as is shown in the following excursus. The pronoun *kto* does not only appear as an interrogative pronoun, but also as a relative pronoun. Here, the phenomenon of a strictly enforced norm does not apply. For example, *kto* when used as a relative pronoun (*otnositel'noe mestoimenie*) does allow feminine endings in its predicate. Vinogradov [Виноградов 1960, 1954] highlighted this fact in a simple comparison of *kto* as an interrogative pronoun and a relative pronoun. In a relative clause, *kto* behaves in a manner identical with its prototypical counterpart *kotoryj* ‘which, who’, yet, it does not change according to the morphological form or grammatical gender of the word being referred to, whereas *kotoryj* will change morphologically according to the grammatical gender, sex, and grammatical number of the word to which it refers.

Ты первый мальчик, который пришёл и сразу начал работать.
'You are the first guy who has come around and begun to work at once'

Ты первый юноша, который пришёл и сразу начал работать.
'You are the first guy who has come around and begun to work at once'

Ты первая девушка, которая пришла и сразу начала работать.
'You are the first girl who has come around and begun to work at once'

Вы первые мужчины, которые пришли и сразу начали работать.
'You are the first men who have come around and begun to work at once'

Вы первые девушки, которые пришли и сразу начали работать.
'You are the first girls who have come around and begun to work at once'

Against this backdrop, I would like to examine the following sentences in which the relative pronoun *kotoryj* has been replaced by *kto*. Please note in this instance that said substitution involves a change of register, because relative clauses introduced by *kto* usually appear in informal or everyday language. Consequently, constructions used in this manner must be observed within their socio-linguistic context. They are mostly found within certain social groups or classes, are expressive, and are probably restricted to certain text types. However, this reservation is irrelevant at this point and can be neglected here without causing any problems. My sole purpose is to point out that predicates combined with *kto* as a subject do not necessarily adopt the masculine form [cf. Tafel 1997].

Ты первый мальчик, кто пришёл и сразу начал работать.
'You are the first guy who has come around and begun to work at once'

Ты первый юноша, кто пришёл и сразу начал работать.
'You are the first guy who has come around and begun to work at once'

Ты первая девушка, кто пришла и сразу начала работать.
'You are the first girl who has come around and begun to work at once'

*Ты первая девушка, кто пришёл и сразу начал работать.
'You are the first girl who has come around and begun to work at once'

Вы первые мужчины, кто пришли и сразу начали работать.
'You are the first men who have come around and begun to work at once'

Вы первые мужчины, кто пришёл и сразу начал работать.
'You are the first men who have come around and begun to work at once'

Вы первые девушки, кто пришли и сразу начали работать.
'You are the first girls who have come around and begun to work at once'

*Вы первые девушки, кто пришёл и сразу начал работать.
'You are the first girls who have come around and begun to work at once'

Some authentic examples gathered from the Internet support this point. Among other things, these examples suggest a usage which is both informal and pertains only to certain text types.

Елена ты первая девушка кто сказала что она мечтает о многодетной семье [...].¹⁹

Вот интересно стало, а в России есть ли хоть один политик, кто сказал бы очень откровенно о привычной роли России в последние десятилетия?²⁰

Last but not least, we should note some examples from the *Grammatika Russkogo Jazyka* by Vinogradov—examples that are introduced by the author with the following words:

Если относительное местоимение кто является подлежащим придаточного предложения, то глагол-сказуемое может иметь форму множественного числа; это бывает тогда, когда сказуемое главного предложения стоит в форме множественного числа, причем субъект действия в главном и придаточном предложениях совпадает [Виноградов 1954: 494].

Vinogradov [Виноградов 1954: 494] adds the following example:

Все мои друзья, кто его хорошо знали, были о нем хорошего мнения.²¹

Vinogradov [Виноградов 1954: 494], however, adds immediately that *kto* often has to be combined with a predicate in the singular form even though the pronoun refers to an antecedent in the plural form.

In his grammar published in 1960, Vinogradov comments on the topic in the same manner.

Однако при употреблении местоимения кто в качестве союзного слова сказуемое при нем может стоять во множественном числе, если речь идет о многих лицах [Виноградов 1960: 393].

Putting *kto* into a definite gender category becomes obvious in the constructions *tot, kto ...* ‘the (male) person who ...’, *ta, kto ...* ‘the (female) person who ...’, *te, kto ...* ‘the people who ...’, in which the form of the predicate is governed by the noun in the main clause and in which *kto* does not serve as the basis for forming the predicate. Two examples from

¹⁹Transl.: Elena, you are the first girl who has said that she is dreaming of having a family with a lot of children (online at: www.paneravis.ru/obshchestvo/230232/1/Vragi-Rossiyskoy-molodezhi).

²⁰Transl.: So, what is interesting, is there in Russia at least one politician who would have told us unreservedly about the ordinary role of Russia during the past decades? (online at: <http://vieniga.livejournal.com/129823.html>).

²¹Transl.: All my friends who knew him well, had a good opinion of him.

the *Grammatika Russkogo Jazyka* by Vinogradov [Виноградов 1954: 494] illustrate this point:

Все, кто мог ехать, ехали сами собой; те, кто оставались, решали сами с собой, что им надо было делать. [as quoted from *War and Peace* (*Vojna i Mir*) by Lev Tolstoj].²²

Те из вас, кто читали эту книгу, должны выступить на читательской конференции.²³

Further examples:

Та, кто пришла, прекраснее царицы Савской!²⁴

Та, кто служила путинскому зверью, живя и будучи прикормленной в стране, веками борющейся за счастье и справедливость, и тот, кто предал эту страну в погоне за дешевой славой – безусловно, достойны друг друга.²⁵

И та девушка, кто открыла в себе эту ауру, взрастила и воспитала – и есть богиня!²⁶

А вот кто та девушка, кто была рядом.²⁷

Командир роты чеченского спецназа Джабраил Ямадаев, с которым вчера вечером удалось связаться корреспонденту Ъ, сказал, что в захвате заложников заинтересованы только те политики, кто в последнее время говорили о необходимости начать диалог с Асланом Масхадовым.²⁸

²²Transl.: Everyone who could drive, drove away; and those who stayed decided themselves what they had to do.

²³Transl.: Those of you who have read this book ought to join the reader's conference.

²⁴Transl.: She who came was more beautiful than Tsarina Savskaya! (online at: www.gendercentre.org.ua/blog/ta,-kto-prishla/).

²⁵Transl.: She who has served Putin's bloodhounds, living in a country and gorging herself on its food trough, a country which has fought for happiness and justice for years, and he who has betrayed this country in the pursuit of cheap fame—they, of course, deserve each other (online at: www.echo.msk.ru/polls/1108288-echo/comments.html).

²⁶Transl.: And the girl who discovered the aura in herself, who raised it and made it grow—she is a goddess! (online at: www.cosmo.ru/planet_cosmo/konkursi/1019354/).

²⁷Transl.: But here is the girl who was present (online at: www.tforum.uz/index.php?showto-pic=31726&st=7860).

²⁸Transl.: The commandant of the company of the Chechen spetsnaz force Dzhabraïl Yamadayev with whom a correspondent of *Kommersant* could get in touch yesterday, said that only those politicians are interested in taking hostages who have talked about the necessity in the past to start the dialogue with Aslan Maskhadov (online at: www.kommersant.ru/doc/347856/print).

Те работодатели, кто поначалу самостоятельно размещали свои объявления о вакансиях в различных ресурсах по поиску сотрудников столкнулись с неожиданной проблемой.²⁹

Whenever *kto* is used as a relative pronoun, the subject *kto* and the predicate form the basic structure of the relative clause [Ковалева 2006: 116], but not a morpho-syntactic entity. This is due to the overriding semantic condition that *kto* always refers to a noun in the main clause. Consequently, the predicate in the relative clause adopts the person, gender, and number of the noun in the main clause to which *kto* refers. In these cases, the ending of the predicate is not determined by the grammatical norm that *kto* requires a masculine form, but purely by the principles of logic.

Used as a relative pronoun, *kto* appears not to exhibit the same invariance with regard to its grammatical gender as it exhibits when used as an interrogative pronoun—at least in a general sense. Its potential to assume a gender identity seems to be dependent on its function within a sentence. In a relative clause, *kto* can assume any gender and represent a group because of its indeterminate number. Thus, *kto* is only limited to the masculine form in interrogative sentences in spite of its alleged genderlessness or gender-neutrality. It becomes obvious that *kto* as a relative pronoun is provided with semantic and grammatical information by the parts of the sentence to which it refers. This means that the predicate that belongs to it can indeed create a reference to sex, and that it can adopt a corresponding grammatical number. The question that follows on from this is why the congruence between *kto* and its predicate that appears in a relative clause cannot appear in an interrogative clause? Why can the predicate not adopt a feminine suffix in such cases where *kto* refers explicitly to a woman or a group of women—as logic would dictate?

4. The obvious masculinity and the femininity that can only be guessed

At this point, I must call attention to the fact that morphological adaptation to the sex of a person—an adaptation that occurs due to logical reference—happens much more often in a masculine context. I have explained above that designations for persons with a grammatically feminine gender are combined with a predicate or adjective in the masculine form when the sex of the designated individual is male. Depending on the sex, ambiguous words with a generic reference can be combined with a predicate or an attribute

²⁹Transl.: Those employers who, at the beginning, placed their job advertisements on diverse platforms for searching employees personally encountered an unexpected problem (online at: http://personum.ru/zz_rabota_ru.html).

in the feminine or masculine form [cf. Матийченко 1957: 56]. Accordingly, grammatically feminine nouns can be combined with predicates or adjectives in the masculine form.

Часто, однако, в зависимости от того, идёт ли речь о мужчине или о женщине, прилагательное ставится то в мужском роде, то в женском. Например: Петя был большой плакса. Здесь плакса – мужского рода; связанное с ним прилагательное большой поставлено тоже в мужском роде. Надя была большая плакса. Здесь плакса – женского рода; в женском роде поставлено и прилагательное большая [Матийченко 1954: 74].

In contrast to this, the same cannot be said for those cases in which a grammatically masculine word designates a person of the female gender or sex. In these cases, one often finds that morpho-syntactic adaptation does not take place. On the one hand, adding a feminine suffix to a word is often omitted because, according to many linguists, such masculine nouns have generic character. On the other hand, the verb and the adjective are often not adapted to sex, even though norms and the language system have evolved towards greater visibility of the feminine in the past few decades. While Matiichenko wrote in the 1950s:

Однако есть существительные (например, педагог, товарищ, бухгалтер и др.), которые употребляются в форме мужского рода даже и тогда, когда относятся к лицам женского пола, причём в мужском роде ставится и прилагательное, связанное с данным существительным. Например: Мария Петровна – хороший педагог. (Сравните: Мария Петровна – хорошая учительница.) Его сестра – прекрасный товарищ. (Сравните: Его сестра – прекрасная подруга.) [Матийченко 1954: 74]

Mulisch [1975: 155] and also Panov [Панов 2004] pointed out in the 1970s that women could be made more visible by combining a masculine noun (primarily a masculine term for a profession) with a predicate in the feminine form (e.g. *bukhgalter uekhala* vs. *bukhgalter uekhal*). Berger [1998: 68], Kempgen [1999: 259], and Panzer [1995: 143] have subsequently emphasised that such combinations can conform to the norm in instances in which they would have been considered unthinkable a hundred years ago [Kempgen 1999]. Yet to this date, adjectives and verbs appear considerably more often in the masculine form in a feminine context [cf. Corbett 2007, 1995, 1979a].

As a rule, the fact that a person referred to is a man or a male individual is marked morphologically or, at least, can be marked. However, context or the knowledge derived from context or the situation are often the only means by which to tell that the designated person is a woman. In this case, the references established by logic create a link between the masculine

signifier and the signified person, whose sex we know to be female [ЧЕШОКОВ 1992: 39–45].

5. Masculinity in a feminine context: *kto* with feminine agreement

Logic—understood here as common-sense reasoning—is the decisive factor in organising our understanding of the world [ЧЕШОКОВ 1992]. Since the 1980s, cognitive science has shown that the process of understanding is governed by acquired and innate knowledge. In order to understand something, knowledge stored in the brain must be activated and made available. Although this applies to comprehension, it can also be observed in well-defined fields such as linguistics. Our understanding of phenomena in the field of morphology or word formation is no less organised or influenced by knowledge activation. Logic plays an important role in this context.

As for interrogative pronouns, it must be noted that the principle of logic shows a twofold, non-uniform effect. In a masculine context, logic accepts the sex concerned and makes it apparent on a morpho-syntactic level. The inherent masculinity of *kto* undoubtedly favours a masculine context. In a feminine context, logic only impacts understanding, not grammatical form. It is logic—and nothing else—that helps us infer from a given context or a situation that the designated person is in fact a woman [cf. Scheller-Boltz 2013a for Polish]. In spite of the use of grammatically masculine forms, logical relationships make us infer that the given person is a woman, as logic predominates over, and overrides, the grammatical gender.

The interrogative pronoun *kto* may indicate an unknown or unfamiliar person—this we know to be correct. However, we realise that it is wrong to say that *kto* is gender-neutral or genderless. Obviously, *kto* can designate a female individual if context tells us so [cf. Tafel 1997: 115–116]. The situation becomes even more absurd when we examine sentences dealing with objects that are stereotypically associated with women.

Девушки, кто из вас купил уже тампоны марки o.b.?

‘Hey, girls, who of you has already bought tampons of the o.b. brand?’

Девушки, кто-то из вас взял с собой прокладки?

‘Hey, girls, who of you would have a sanitary towel for me?’

Девушки, кто из вас попробовал уже косметику Гидо Марии Кречмера?

‘Hey, girls, who of you has already tried the make-up by Guido Maria Kretschmer?’

Девушки, кто забыл свою сумочку на столе?

‘Girls, who of you has forgotten her bag on the table?’

Девушки, а кто из вас сказал, что можно туда на шпильках подняться?

‘Girls, who of you told me that one can go there on high heels?’

Here, the direct addressing of women emphasises the feminine context. The masculine ending of the predicate seems a bit odd in such situations. Whereas the discrepancy between grammatical gender and sex is overcome for some nouns by morpho-syntactic adaptation, *kto* remains fixed within the system and is always categorised as masculine, in clear contradiction of all logic. It may be correct that *kto* is genderless or gender-neutral. Nevertheless, it is ascribed a definite, predominant masculinity.

6. Modern concepts of *kto* or the feminisation of *kto*

Not all grammars can be interpreted in the same manner, especially since other approaches and ideas can be put forward—frequently in implicit fashion. To begin with, one notices that the postulating of masculinity is sometimes accompanied by metalinguistic explanations such as *kak pravilo* ‘usually’ or *mozhet* ‘can be’. This suggests that the masculine form is to be preferred in combinations with *kto*. Yet, this does not make the use of the feminine form totally impossible or unthinkable. Using the feminine form would be entirely grammatically correct, at least from the point of view of theory. In combination with *kto*, however, the masculine form has prevailed, been sustained, and been established as the norm. This situation has possibly been caused and promoted by the examples provided for this grammatical phenomenon, because the masculine form is used with all such examples. There are no examples of a predicate with a feminine ending. Furthermore, such examples are mainly presented in a masculine context, or the context is asexual due to the possibility of gender ambiguity—in which case it seems unnecessary to provide examples with a predicate in the feminine form.

The option that a question beginning with *who* can be explicitly and directly addressed to a woman has not been thought of, and neglected by most grammarians. In her grammar dating from 2000, Glazunova points out that the usage of feminine forms in combination with *kto* is possible—in such cases where the interrogative pronoun *kto* explicitly refers to a woman. Glazunova even considers the use of plural forms.

Местоимение *ничто* употребляется в среднем роде единственного числа; *никто* – в мужском роде единственного числа. При указании на женский род или на множественное число лиц, соотносимых с местоимениями *никто* или *ничто* в позиции подлежащего, возможно употребление сказуемого в форме женского рода или множественного числа [Глазунова 2000: 171].

To date, such ideas and concepts have been rather rare, which makes them all the more valuable in our modern times. Even contemporary authors of grammars lapse into the old normative patterns and promote masculinity in combination with *kto* as proposed by tradition [e.g. Колес-

никова 2008: 265]. Using feminine verb forms is not a rare occurrence, as the Internet informs us [cf. also Reiss 2007: 43f for the use of feminine verb forms in German interrogative sentences with *wer* 'who']. The Internet enables us to examine the authentic, specific usage of language, as shown by the following examples, even though Internet research must be met with a certain scepticism. Stylistic oddities and variations, pragmatic factors, sociolinguistic aspects and factors internal and external to the text must be considered in general.

Кое-кто из девушек сказала мне, что в этом костюме надо насиловать.. :))³⁰

Кто говорила? Эта девушка?³¹

Подскажите, пожалуйста, если кто готовила дома, какая эффективность?³²

Кто-нибудь готовила дома пленочный горячий воск для эпиляции таким рецептом?³³

Девочки, если кто была на узи на седьмой день задержки, помогите пожалуйста.³⁴

Кто была на вчерашнем концерте Стинга в Москве в Олимпийском, как вам концерт?³⁵

An in-depth analysis of such combinations with a feminine predicate is not the aim of this article. For the time being, it must suffice to point out that such constructs do exist, and that the usage of feminine forms in combination with *kto*—or with pronouns derived from *kto*—is conceivable.

7. Outlook

It seems to be appropriate and worthwhile to close this paper with a statement, published by Lakoff:

Language is a symbol, not a reality [Lakoff 1990: 15].

³⁰Transl.: One of the girls told me that in this dress she had to be raped (online at: <http://vk.com/tag2211465?act=comments>).

³¹Transl.: Who said this? This girl? (online at: <http://radulova.livejournal.com/2948449.html?thread=318850145>).

³²Transl.: Please tell me if some cooked that at home, what about the effectiveness? (online at: <http://otvet.mail.ru/question/90950291>).

³³Transl.: Did someone make hot film wax for epilation at home on the basis of this recipe? (online at: <http://otvet.mail.ru/question/90950291>).

³⁴Transl.: Girls, if someone was at the ultrasonic testing on the seventh day of menstrual disorder, please help (online at: <http://otvet.mail.ru/question/27697237>).

³⁵Transl.: To those who were at Sting's concert in Moscow in the Olympic Stadion last night, how did you like the concert? (online at: www.woman.ru/stars/medley1/thread/4074405/1/).

However, and as Lakoff continues,

symbols have tremendous potency, often more than the reality they stand for, because so much volatile emotion attaches to them [Lakoff 1990: 15].

This statement easily applies to the object of investigation in this paper. The exclusive use of masculine forms in an interrogative sentence with *kto* in a feminine context—although one assumes the pronoun to possess neither grammatical gender nor sex—stands symbolically for an idea of reality that does not conform to the actual reality at all. As illustrated and possibly well-known, the Russian language system considers masculinity to be the norm and rule and defines femininity as a deviation. In doing so, the Russian language system virtually forces the speaker to some extent to say something that does not correspond to reality and that is characterised by a certain absurdity in some cases. It becomes obvious that the language system possesses a tremendous symbolic power which enables it to virtually dominate actual reality, including social order, gender order and all the essential changes with regard to gender equality that have also taken place in Russia to some extent. As we know, it is not possible to give complete information about the world that includes every detail of the object to which one refers [Jachnow 1999: 7]. Yet it should be assumed that it would be possible to make femininity visible, at least in a feminine context. However, the relation between grammatical femininity and the pronoun *kto* illustrates that both the governing language system and the language used lay claim to a certain validity consisting of particular values, meanings, and ideological ideas. These, in turn, create a secondary reality and, consequently, a social practice. They make the actual reality taboo, and, finally, ignore it [Wodak 1989: 80].

Consequently, it is not of great use here to provide a conclusion. It would seem to be of greater use to summarise the status quo and to emphasise some aspects that need to be considered in the future. In my opinion, the concept that *kto* is characterised as gender-neutral or genderless but should, according to grammatical rules and norms, be combined with masculine predicates defies logic. In this context, one should keep in mind that such a concept will always directly ascribe a grammatical gender—not only on the level of usage where grammatical production is concerned, but also on the level of perception, relating to cognition and comprehension. Although we have noted that the principle of masculinity is not seen as the norm defined as grammatically correct by the language system in every instance, only rudimentary diversions from this rule have been observed until now, unfortunately. However, some changes are becoming apparent, particularly

in language use, because the combination of *kto* with a feminine predicate is nowadays not that uncommon. It is not unreasonable to account for this with the principles of logic—principles that make us realise that the use of a predicate in the masculine form sounds odd when a female person is addressed or, in general, every time an utterance is made in a feminine context.

It seems suitable here to pose the—perhaps provocative—question: what would the Russian language lose if it enabled the use of the pronoun *kto* with a predicate having a feminine ending in an explicitly feminine context? From the perspective of gender linguistics, Russian would be enriched by this change as it would gain the option of increasing the visibility and awareness of gender in language.

REFERENCES

- BERGER, T. (1998): Das Russische. In: P. Rehder (ed.): *Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie)*, Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, pp. 49–93.
- BUCHOLTZ, M. (1999): Bad Examples. Transgression and Progress in Language and Gender Studies. In: M. Bucholtz – A. C. Liang – L. A. Sutton (eds.): *Reinventing identities. The gendered self in discourse* (Studies in Language and Gender, 1). New York: Oxford University Press, pp. 3–24.
- CAMERON, D. (1985): *Feminism and Linguistic Theory*. New York: Palgrave.
- COMRIE, B. (1989): *Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology*. Chicago: University of Chicago Press.
- CORBETT, G. G. (2015): Hybrid nouns and their complexity. In: J. Fleischer – E. Rieken – P. WIDMER (eds.): *Agreement from a Diachronic Perspective* (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 287). Berlin: de Gruyter Mouton, pp. 191–214.
- CORBETT, G. G. (2007): Gender and noun classes. In: T. Shopen (ed.): *Language Typology and Syntactic Description. III: Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 241–279.
- CORBETT, G. G. (2006): *Agreement* (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press.
- CORBETT, G. G. (2001): Grammatical gender. In: N. J. Smelser – P. B. Baltes (eds.): *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Vol. 9*. Amsterdam: Elsevier, pp. 6335–6340.
- CORBETT, G. G. (1995): *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- CORBETT, G. G. (1979a): *Predicate Agreement in Russian* (Birmingham Slavonic Monographs, 7). Birmingham: University of Birmingham.
- CORBETT, G. G. (1979b): The agreement hierarchy. *Journal of Linguistics*, 15, pp. 203–224.
- DOLESCHAL, U. (2015): Gender in Slovenian. In: M. Hellinger – H. Motschenbacher (eds.): *Gender across Languages. Vol. 4*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 333–368.

- DOLESCHAL, U. (2002): Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne. *Linguistik online*, 11(2), online at: www.linguistik-online.com/11_02/doleschal.html [last accessed on 12 January 2016].
- FAIRCLOUGH, N. (2001): *Language and Power*. Harlow: Longman.
- GASTIL, J. (1990): Generic Pronouns and Sexist Language: The Oxymoronic Character of Masculine Generics. *Sex Roles*, 23(11/12), pp. 629–643.
- GRZEGORCZYKOWA, R. – LASKOWSKI, R. – WRÓBEL, H. (eds.) (1984): *Morfologia*. (Gramatyka współczesnego języka polskiego: Składnia – Morfologia – Fonologia, 2). Warszawa: PWN.
- IDIATOV, D. (2007): *A Typology of Non-Selective Interrogative Pronominals*. Antwerpen: Universiteit Antwerpen [PhD thesis, manuscript], online at: http://idiatov.mardi.myds.me/papers/PhD_Idiatov_2007_Final_Version+ERRATA.pdf [last accessed on 19 February 2016].
- JACHNOW, H. (1999): Die Personalität als sprachliche Universalie – Funktionen und Formen. In: H. Jachnow – N. Mechkovskaja – B. Norman – B. Plotnikov (eds.): *Personalität und Person* (Slavistische Studienbücher, Neue Folge, 9). Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 1–36.
- KEMPGEN, S. (1999): Personalität und die grammatischen Kategorien des Nomens: Genus, Numerus, Belebtheit. In: H. Jachnow – N. Mechkovskaja – B. Norman – B. Plotnikov (eds.): *Personalität und Person* (Slavistische Studienbücher, Neue Folge, 9). Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 255–267.
- LAKOFF, R. (1990): *Talking power: The politics of language in our lives*. New York: Basic Books.
- MILLS, S. (1995): *Feminist Stylistics*. London: Routledge.
- MILLS, S. – MULLANY, L. (2011): *Language, Gender, and Feminism*. London: Routledge.
- MOTSCHENBACHER, H. (2015): Structural gender linguistics and de-essentialisation: A study of Croatian personal nouns. In: D. Scheller-Boltz (ed.): *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives, and Possibilities in the Slavonic Languages” (Innsbruck, 1–4 October 2014) (Die Welt der Slaven. Sammelbände, Sborniki, 59). Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 51–69.
- MOTSCHENBACHER, H. (2010): *Gender, Language and Sexual Identity. Poststructuralist perspectives* (Studies in Language and Society, 29). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- MULISCH, H. (1975): *Die russische Sprache der Gegenwart, 2. Morphologie*. Düsseldorf: Brücken-Verlag.
- NAGÓRKO, A. (2012): *Podręczna gramatyka języka polskiego*. Warszawa: PWN.
- PANZER, B. (1995): *Das Russische im Lichte linguistischer Forschung* (UTB Uni-Taschenbücher, 1836). München: Fink.
- REISS, K. (2007): *Gender-Sprachbewusstsein bei Jugendlichen in Ost und West*. Königstein: Helmer.

- SCHELLER-BOLTZ, D. (2013a): Politische Korrektheit und Translation im Lichte des postcolonial turn (an deutschem, polnischem und russischem Material). In: K. Lukas – I. Olszewska – M. Turska (eds.): *Translation im Spannungsfeld der cultural turns* (Studien zur Germanistik, Skandinavistik und Übersetzungskultur, 7). Frankfurt a.M.: Lang, pp. 167–182.
- SCHELLER-BOLTZ, D. (2013b): Что такое черная нейтральность? In: А. В. Корина – В. М. Хаимова – С. В. Дмитриук (ред.). *Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке* (Тезисы докладов Восьмой международной научно-практической конференции. Москва, 29 ноября 2013г.). Москва: МИЛ, с. 18.
- SZOBER, S. (1953): *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa: Nasza Księgarnia.
- TAFEL, K. (1997): *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache* (Slavistische Studienbücher, 7). Wiesbaden: Harrassowitz.
- VALDROVA, J. (2013): Typologische Unterschiede zwischen Sprachen als Argument gegen geschlechtergerechte Sprachkritik und Sprachpflege? In: M. Nekula – K. Shichová – J. Valdová (eds.): *Bilingualer Sprachvergleich und Typologie: Deutsch – Tschechisch* (IDS-Reihe Deutsch im Kontrast, 28). Tübingen: Stauffenburg/Julius Groos, pp. 141–158.
- VASMER, M. (1953ff.): *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter.
- WODAK, R. (1989): Sprache und Ideologie. In: R. Wodak – R. de Cillia – K. Blüml – E. Andraschko (eds.): *Sprache und Macht – Sprache und Politik*. Materialien und Texte zur politischen Bildung (Beiträge zur Lehrerfortbildung, 31). Wien: Österr. Bundesverlag, pp. 79–93.
- ZIMMERMANN, R. (1996): Gewalt in der Sprache und durch Sprache. In: H. Diekmannshenke – J. Klein (eds.): *Wörter in der Politik. Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation*. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 103–121.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1954): *Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть первая*. Москва: Академия Наук СССР.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1960): *Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология*. Москва: Академия Наук СССР.
- ГЛАЗУНОВА, О. И. (2000): *Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- КОВАЛЕВА, С. В. (2006): *Современная грамматика русского языка*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- КОЛЕСНИКОВА, С. М. (2008): *Современный русский язык. Учебник*. Москва: Высшая школа.
- МАТИЙЧЕНКО, А. С. (1954): *Грамматика русского языка. Часть первая. Лексика, фонетика и морфология. Учебник для VIII и IX классов нерусских школ*. Москва: Государственное учебно-педагогическое изд. Министерства Просвещения РСФСР.
- МАТИЙЧЕНКО, А. С. (1957): *Учебник русского языка. Часть первая. Фонетика и Морфология. Для VIII и IX классов нерусских школ*. Москва: Государственное учебно-педагогическое изд. Министерства Просвещения РСФСР.

- МЕЛЬЧУК, И. А. (2000): *Курс общей морфологии. Том III: Часть третья: Морфологические средства. Часть четвертая: Морфологические синтактики.* (Wiener Slavistischer Almanach 38/3). Москва/Вена: Языки русской культуры.
- ПАНОВ, М. В. (2004 [1971]): Об аналитических прилагательных. В: М. В. Панов: *Труды по общему языкознанию и русскому языку.* Москва: Языки Славянской Культуры, с. 137–150.
- ТРУБАЧЕВ, О. Н. (ред.) (1987): *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Вып. 13, *кромежирь – *къжити).* Москва: Наука. <http://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/> [дата обращения 18-02-2016].
- ЧЕСНОКОВ, П. В. (1992): *Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления.* Таганрог: Изд. Таганрогского Государственного Педагогического Института.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (1970): *Грамматика современного русского литературного языка.* Москва: Наука.
- ЩЕРБА, Л. В. (1949): *Грамматика русского языка. Часть первая. Фонетика и морфология. Учебник для 5-го и 6-го классов семилетней и средней школы.* Москва: Государственное учебно-педагогическое изд. Министерства Просвещения РСФСР.

AUTHOR'S PROFILE:

Dr. phil. Dennis Scheller-Boltz

Assistant Professor at the Institute of Slavonic Languages

research interests: gender and queer linguistics, Russian and Polish word formation, sociolinguistics, lexicography, translation studies

Vienna University of Business and Economics

Welthandelsplatz 1

1020 Wien

Austria

www.wu.ac.at/slawisch

www.scheller-boltz.de

dennis.scheller-boltz@wu.ac.at, dennis@scheller-boltz.de

НИНА ОСИПОВА

Россия, Киров

ЖАНР ПОЭТИЧЕСКОГО НЕКРОЛОГА В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И ПЕРВОЙ ЭМИГРАЦИИ

ABSTRACT:

The poetic obituary genre features in the poetry of Silver Age and the first wave of emigration

The article looks into the poetic obituary genre features in the poetry of Silver Age and the first wave of emigration. The author determines the place of poetic obituary in the case of mortar lyrics, its links with artistic traditions, its difference from the adjacent genres of epitaph and memorial lyrics. The author analyzes the mythological core of the genre, its motive complex and inter-text features, its connection with folklore, hymn and philosophical lyrics as well as the modernist concept of the death using the poetry of V. Brusov, A. Blok, O. Mandelshtam, M. Tsvetaeva, I. Severyanin, N. Kluev, etc. as an example. This genre transforms into the genres of the poem and the poetic cycle.

KEY WORDS:

Silver Age poetry – poetic genres – poetic obituary – genre synthesis.

Термин «поэтический некролог» в качестве названия жанра практически не используется исследователями, а если и используется, то в довольно расплывчатом виде, в частности, не устанавливается его соотношение со смежными жанрами – с мемориальной лирикой, эпитафией, литературным портретом, кладбищенской лирикой, некрологом-очерком и др. Проблема состоит также и в терминологической разнице с иноязычными определениями жанровых границ [Еремеева 2016]. В то же время некоторые исследователи предельно расширяют

содержательное ядро жанра, используя термин «эпитафическая лирика» [Царькова 1998]. Между тем, более или менее определен жанр эпитафии, который от античного образца надгробной надписи перешел в литературное пространство, сохранив, однако, фактор «памяти жанра»: обращение к живущим от лица умершего, либо, наоборот – от лица живущего к усопшему; жесткость тематических концептов – противостояние жизни и смерти, жизни после смерти с четкой границей между ними. Все это придало эпитафии структурно-содержательную жесткость и формульность.

Мы будем называть *поэтическим некрологом* стихотворное произведение, написанное как непосредственный, не ограниченный жанровым канонам отклик на смерть, близкий к ней по времени написания и по времени с ней совпадающий. В этом отличие поэтического некролога от мемориальной лирики. Например, написанное в 1940 году стихотворение Ахматовой «Маяковский в 1913 году» мы относим к мемориальной лирике, хотя и по структуре, и по лексико-семантическому строю оно очень напоминает поэтический некролог, но между смертью поэта и написанием стихотворения прошло десятилетие.

Черты поэтического некролога в его современном виде восходят к статьям, сформировавшимся в раннем христианстве как панегирики в честь усопших. Панегирические свойства этих текстов, безусловно, оставят свой след и в поэзии следующих столетий [Леонов, Юсов 2006].

В русских летописях обозначенная жанровая традиция обнаруживается в некрологических записях о русских князьях, что определило протяженную линию поэтических некрологов в XVIII веке, довольно чутком к античной жанровой традиции: выходят сборники некрологов, некрологи и эпитафии печатаются в русских журналах XVIII–XIX вв. (Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов и др.), являясь полем для художественных экспериментов и интересных поэтических открытий на перекрестке жанров (некролог-философская лирика, некролог-ода, некролог-сатира, некролог-исповедь и т.д.). Включенные в жанровую традицию «стихов по случаю» (на день восшествия, на день тезоименитства, рождения наследника, восшествия на престол и т.д.), эти стихотворения постепенно ломали устоявшиеся границы жанра, отличаясь менее жесткой формой, отражающей авторское видение. Более или менее отчетливо выделяется в некрологе первая часть, где речь идет о постигшем автора некролога горе, затем обозначается то главное, что характеризует умершего (особенности его личности, образы его творчества). Но в то же время здесь же поэт, как правило, формирует историко-философский контекст смерти: характеристика эпохи, исто-

рической, художественной, духовно-нравственной ситуации – все то, что позже формировало самоощущение Серебряного века, связанного с глубокими общественно-политическими, религиозными и эстетическими процессами. Это самоощущение с особой остротой воплощается и в лирике эмиграции, особенно в её мортальных мотивах.

Точками отсчета, вызывающими ассоциативные параллели, стали годовщины со дня рождения Пушкина (1899) и Лермонтова (1914), на фоне которых переживалась смерть Блока, Гумилева, Есенина и Маяковского.

Художественные искания Серебряного века не обошли стороной и жанровую специфику поэтического некролога, сделав его еще более «проницаемым» и открытым для жанровых экспериментов. Русская культура «на границах» всегда испытывала мощные поэтические импульсы. Так было и в начале XIX века, и в начале XX-го, когда новые художественно-эстетические течения формировали новую картину мира. Самоощущение Серебряного века было ознаменовано кризисом социальной, общеполитической и религиозной жизни. Эсхатологические и апокалипсические настроения определяли и вектор художественной жизни, в том числе и поэтов, оказавшихся в эмиграции.

Одним из важных стиле- и жанрообразующих компонентов новой модели сознания стала мифологическая парадигма. При этом культурная ситуация в начале XX века отвела поэзии особую роль в процессе «мифопроизведения» и «мифовоспроизведения». Одной из главных мифологем этого процесса стала мифологема «смерти поэта», культурно-риторическая модель которой сложилась еще в связи с гибелью А. С. Пушкина.

Именно смерть Пушкина по силе резонанса и писательских откликов, открывающихся лермонтовским поэтическим шедевром, сформировала новые принципы «памяти жанра», существенно расширила его границы – прежде всего потому, что изменилось само осознание смерти: кроме смерти как естественного состояния, поэты открыли глубину её метафизического осмысления, вызванного состоянием кризисности, энтропии, тревоги и хаоса начала XX столетия.

Во многом этому способствовала и символистская концепция художника-демиурга, способного принять на себя роль Заратустры или осуществить прорыв в трансцендентный мир. И в этой связи смерть Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Гумилева, Есенина, Маяковского могут восприниматься явлениями одного порядка, развивая мотив «смерти гения», сопровождающейся мощным публичным резо-

нансом и психолого-эмоциональным шоком (примеры подобного шока отмечались в связи со смертью Блока, Есенина, Маяковского).

Феномен подобного эмоционального резонанса Р. Весслинг называет «образцовой травмой», представляющей «групповой психологический механизм, коллективную реакцию на сильное потрясение» [Весслинг 2005]. Исследователь на материале откликов на смерть Надсона связывает подобную реакцию с канонизацией «больного поколения». Несмотря на отмеченные в истории русской культуры факты смерти деятелей культуры, специфику «образцовой травмы» создает знаковая составляющая, в основе которой лежит принцип мифологизации – при этом «реальный» творец практически во всех стихотворениях наделяется чертами культурного героя. Уже само имя приобретает мифологические коннотации, которые определяются не только степенью гениальности художника, но и фактами его биографии и характером смерти (либо ранней, либо насильственной, либо неожиданной...).

Еще в 30-е годы Р. Якобсон написал свою знаменитую статью «О поколении, растратившем своих поэтов» [Якобсон 1990], уже само название которой определяет вектор мифологического освоения темы. Соответственно, это формирует и особые жанровые характеристики поэтического некролога первой трети XX века, связанные со спецификой жанрового содержания и жанровой формы. Применительно к теме исследования особую роль играет и «память жанра», основу которой составляют константные признаки поэзии «на смерть», что не исключает и широкой вариативности жанрового канона. Мы исходим из того, что семиотическое ядро жанра составляют архетипические конструкты, лежащие в основе мифа.

Миф о поэте формировался еще и в связи с ситуацией безвременной смерти поэта (художника, актера) – отсюда её восприятие как смерти жертвенной, насильственной, сопряженной с темой избранничества, почти повторяющей текст Евангелия от Матфея («Ибо много званых, а мало избранных» (20:16)). Это тоже формировало мифологию смерти поэта, чей конец «иногда насильственный, чаще естественный, но и тогда, по нежеланию защищаться, очень похожий на самоубийство...» [Пастернак 1991: 231].

Особую функцию в мифологизации образа творца выполняет мотив *детства*, восходящий к архетипу «предвечного младенца» К. Юнга, где он представлен в образе «ребенка-бога». Подобная совмещенность смерти, игры и детства/юности свойственна почти всем поэтическим некрологам Серебряного века. Так, архетип божественного ребенка, усиленный мотивом трагической обреченности поэта на жертву, до-

минирует в поэтических некрологах Цветаевой, Ахматовой, Кузмина, посвященных смерти поэтов (в связи с этим вспомним, что одним из первых опытов этой темы было уподобление смерти Пушкина мученичеству в некрологе В. Одоевского). В этой трактовке звучит мысль о добровольном принесении себя в жертву, ибо гениальность мучительна, а смерть способна восстановить божественную несправедливость в противовес справедливости земной. При этом детскость, беззащитность, доверчивость воспринимаются как неотъемлемые черты гениальности, связанные с онтологическим сиротством, а возраст, приобретая вневременный смысл, ассоциируется с первичной стихией (водой, огнём):

Он награжден каким-то вечным детством,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил [Ахматова 1998: 407]

В «блоковском» цикле М. Цветаевой смерть поэта переживается как смерть бога, первенца, сына, как утрата вечного детства:

Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным
.....
Всем – сыном, всем – наследником,
Всем – первеньким, последеньким [Цветаева 1994: 294–295]

Подобное выражение «детскости» встречаем и у О. Мандельштама в стихах-некрологе на смерть А. Белого: «сочинитель», «щегленок», «студентик», «бубенец», «гоголек», «первенец». Черты детскости обретает даже В. Брюсов, с личностью которого менее всего можно их связывать: «Поэт играет мыслью, как дитя, – / Ну как в солдатики играют дети» [Северянин 1991]. Аналогичную характеристику получает и сам И. Северянин в некрологе, написанном Г. Шенгели на его смерть в 1942 году:

Я помню Вас под Гатчиной
на Вашей реке форелевой
в смешной коричневой курточке
с бронзовыми якоречками [Шенгели 1987]

«Детское» начало обрамляет цикл М. Цветаевой, посвященный Блоку. Начинаясь с реалий детского, игрового восприятия («льдинка на языке», «мячик, пойманный на лету», «серебряный бубенец во рту»), оно

не утрачивает до конца своего смыслового фона, дополняясь евангельскими ассоциациями: божественного света, «закатившегося солнца».

На художественной обработке архетипа «божественного ребенка» построен некролог-цикл Н. Клюева «Плач о Сергее Есенине» (1925–1926), пронизанный фольклорными интонациями, уменьшительно-ласкательными конструкциями, устойчивыми поэтическими метафорами, отсылающими к древней ритуальной традиции, в которой умерший уподоблялся ребенку (как новорожденный ребенок не знает греха, так не знает его и умерший, рождающийся в другой жизни): «дитятко удатное», «рожное моё дитятко», «горностай», «мой совёнок, птаха моя любимая». Здесь встречаются и такие жанровые приемы, как призывы к умершему, сожаление/крик, природные образы, заклинания... В текст введена даже колыбельная песня «Сергеюшке».

Для традиции некролога исторически было свойственно влияние фольклорной (плача), религиозной (православная панихида) традиции (плач Иеремии, плач Ярославны, «Плач и утешение» по поводу смерти царя Федора Алексеевича С. Медведева и др.). Фольклорный слой некролога Н. Клюева включает практически все виды плачей: и плач-причет, и плач-рыдание, и плач-крик, воспроизводя языческую традицию, в которой представления о смерти не соответствуют аналогичным представлениям в христианстве. Душа человека после смерти превращается в «маленькую птиченьку», человек покоится в гробу, парит в облаках и т.д. В этом смысле «Плач...» Н. Клюева представляет собой многоплановую полижанровую поэтическую космогонию, в которой воплощается миф о смерти поэта, о чем подробно пишет Н. Бельченко [Бельченко 1998].

Типичным примером является также поэтический отклик А. Ахматовой на смерть Блока, в котором заключена определенная формульность плача (постоянные эпитеты, повторы, интонационный рисунок):

Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, –
Александра, лебедя чистого [Ахматова 1998: 363]

В своих формальных характеристиках некролог может включать фрагменты воспоминаний, общение с умершим, тем самым «возвращая» его в мир живых, как это мы видим у Вяч. Иванова («Воспоминание о Скрябине», 1915), И. Северянина («На смерть Александра Блока», 1921). Обращение к умершему составляет ядро многих некрологов, что

также свидетельствует о влиянии фольклорной традиции плача, где мыслится потенциально возможным диалог живого с умершим, чаще всего имеющий форму обращения.

В ряду особенностей поэтического некролога первой трети XX века отмечается одическая интонация (примечательный образ «победной смерти» А. Блока у И. Северянина, М. Цветаевой, А. Ахматовой). Свойственная еще поэзии XVIII века, в начале XX века она приобрела характерную для модернизма стилевую сложность, обусловленную во многом спецификой «русской печали». В русском языке печаль обладает оксюморонной коннотацией («светлая печаль»), этимологически восходящей к глаголу «печь», «причинять страдания» (интересный переход от болезненного температурного состояния к комплексу внутренних переживаний).

Несомненно, здесь усматривается и связь с ритуалом сожжения, символического очага, огня. Не случайно «предвечный младенец» в архетипической традиции был аллегорией восходящего солнца (подтверждение этому, как полагает К. Кереньи [Кереньи 2012: 387–436], можно видеть в IV эклоге Вергилия). Христианское представление о печали, воплощенное в некрологах, порождает двойственную символику – печаль от потери и печаль как источник духовной радости, весны, возрождения:

М. Цветаева – А. Блоку:

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору [Цветаева 1994: 299]

А. Блок – В. Комиссаржевской:

Пускай хоть в небе – Вера с нами,
Смотри сквозь тучи: там она –
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна [Блок 1961: 144–145]

Очень интересен в этом смысле диптих Вл. Набокова «На смерть А. Блока», первая часть которого написана в стилистике и ритмико-интонационной форме блоковского символизма и в духе символистской эстетизации смерти передает «уход» поэта в сопровождении образов его лирики («Прекрасная Дама проплывала, звала вдалеке», «бледный рыцарь», «щит лучезарный», «холодная мгла», «чародейная отчизна», «лунная зыбь на реке», «далекий молитвенный звон»), а вторая часть –

светлая, прославляющая, ликующая – описание элизиума поэтов-гениев русской литературы, которые

...подойдут с приветствием к нему,
возликуют, брата принимая
в мягкую цветную полутьму
вечно дышащего мая... [Набоков 2002: 67]

Еще одной характерной особенностью поэтических некрологов Серебряного века является их ярко выраженная интертекстуальность. При этом его образно-семантическое поле включает как формульные общекультурные символы (серафим, лебедь...), так и авторские интертексты (в некрологах Есенину – образ златокудрого ангела, Маяковскому – мотив хулигана, громовержца, аллюзии из его текстов; в некрологах Блоку, например, это образы его поэзии – лебедь, снежная маска, прекрасная дама...):

В аду томился серафим.
Кровавый свод висел над ним...
Чтоб боль отчаянья унять,
Он ад пытался оправдать [Черный 1921: 37]

Имплицитно интертекстуальность может проявляться в ритме и интонационном рисунке стиха, как это мы наблюдаем в некрологе на смерть Блока В. Набокова:

Узнавал он её [Прекрасную Даму– Н.О.] в трепетанье
Розоватых вечерних теней
И в мятелях, смятенье, молчанье
Чародейной отчизны моей [Набоков 2002: 66]

В стихотворении П. Орешина «Сергей Есенин» (1925) эксплицируется ритм, интонация, синтаксический строй есенинской лирики:

Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал, синеглазый мой?
Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска [Орешин 2017]

В роли интертекста выступают особенности творческого наследия умершего. Так, в некрологах Скрябину (В. Брюсов, «На смерть Скрябина»; К. Бальмонт, «Великий обреченный») – это мотивы скрябинской философии и образный мир его «Мистерии»: огонь, танец, блеск, шествие,

фимиам, симфонии света, расплавленный металл – всё, что определяет знаменитый скрябинский синтез:

Он чувствовал симфониями света,
Он слиться звал в один плавучий храм –
Прикосновенья, звуки, фимиам
И шествия, где танцы как примета, –
Всю солнечность, пожар цветов и лета,
Все лунное гаданье по звездам,
И громы тут, и малый лепет там,
Дразненья музыкального рассвета.
Проснуться в небо, грезя на земле.
Рассыпав вихри искр в пронзенной мгле,
В горенье жертвы был он неослабен.
И так он вился в пламенном жерле,
Что в Смерть проснулся с блеском на челе,
Безумный эльф, забыв, звенящий Скрябин [Бальмонт 2010: 119]

В «теле» некролога – фрагменты воспоминаний, как правило, носящие симультанный характер, иногда с вкрапленными предметными ассоциациями из мира поэта, штрихами внешности (в некотором смысле правы те исследователи, которые отмечают портретность (хотя и вовсе не обязательную) некролога. Это и искрящиеся «голубые глаза» А. Белого в некрологе Мандельштама, и воспоминание о присланной Блоком книге «Ночные часы» в некрологе И. Северянина, пронизанном скифскими мотивами блоковской лирики:

...глубок
Страданья очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш варварский русский Восток! [Северянин 1991: 193]

В поэтическом цикле-некрологе М. Цветаевой «Маяковскому» центром интертекстуальных переключек становится идеостиль Маяковского. Она очень точно стилизует синтаксис и ритмические приемы Маяковского, рисунок стиха, знаменитую «лесенку», которая, несмотря на то, что «упрятана» в «ткань» стиха, достаточно отчетливо прочитывается.

Имени «Владимир» Цветаева возвращает исконный смысл: «владеющий миром». Не случайно М. Цветаева, переживая в это время трагедию эмиграции, постоянно акцентирует этот мотив как отражение новой революционной, бунтарской сущности поэта, заложником которой он стал.

Упоминание «Литературной газеты», «Известий», «Госиздата» дополняет образ мастера печатного слова, с которым Маяковский ассоциируется у Цветаевой. Тем трагичнее воспринимается весть о гибели поэта, опубликованная на второй странице «Известий». Эпиграфом к третьему стихотворению цикла и вовсе становится вырезка из «Однодневной газеты» за 24 апреля 1930 года: «В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции» [Цветаева 1994а: 274]. В творчестве Цветаевой размещение газетных текстов в качестве эпиграфа не единично (например, стихотворение «Один офицер») – по контрасту с документальными вставками поэтическое напряжение достигает своего апогея.

В третьем стихотворении цикла («В сапогах, подкованных железом...») М. Цветаева превращает обыденную деталь – «грубые ботинки, подбитые железом» – в «сапоги», делая их основным образом стихотворения. Ключевой образ «сапог, подкованных железом» открывает широкий пласт метафорических толкований образа поэта. Это, в первую очередь, образы рабочего, солдата-пехотинца, рулевого революции, главнокомандующего, который и после смерти выполняет свой гражданский и поэтический долг:

Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих [Цветаева 1994а: 275]

Здесь возможна двойная отсылка – к стихотворению 1921 года:

Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава! [Цветаева 1994а: 55]

Наряду с «сапогами» более точной передаче образа поэта способствуют не только другие детали его гардероба, упомянутые Цветаевой (в частности его знаменитая желтая кофта), но и громкий голос:

Владимир Маяковский? Да-с,
Бас, говорят, и в кофте
Ходил... [Цветаева 1994а: 274]

Цветаева прячет скорбь за иронией по поводу идейных взглядов Маяковского. Подчеркивая, что самоубийство не соотносится с образом убежденного революционного поэта-трибуна, она пишет:

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:

Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил [Цветаева 1994а: 277]

Ирония проявляется также в эпитете «Советско-российский Вертер», сердце поэта она называет «центропевом», используя приемы словотворчества, заимствованные у лэфовцев. Стилистика цикла в целом повторяет традиции поэзии Маяковского: грубый, «пролетарский» слог, краткие синтаксические конструкции, стиль «лозунгов» и «речевок» – всё это создает стихотворный образ поэта, делает его более ярким, выразительным. Отличительной чертой идеостиля становится также использование акцентного стиха, свойственного поэзии Маяковского. Одним из главных цитируемых Цветаевой мотивов поэзии Маяковского является мотив богоборчества, который Цветаева обыгрывает и переводит в смысловой парадокс: величайший храм, разрушенный Маяковским, – это его собственная жизнь. Поэтому завершает цикл мольба Господу об успокоении души главного бунтаря и богоборца:

Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего [Цветаева 1994а: 280]

Следует отметить еще одну важную особенность поэтических некрологов первой трети XX в. – принцип «эмпатии», когда автор пытается отождествить себя с умершим, «подставляет» себя вместо него, как бы играет его роль, мгновенно переходя из одного состояния в другое, причем иногда эти переходы неразличимы, как, например, мы видим в цикле Мандельштама «Памяти А. Белого» (1934):

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, –
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь... [Мандельштам 1994: 84]

Переживание чужой смерти воспринимается как предчувствие собственной – мандельштамовский цикл, спорный по датировке вариантов, очень сложный для восприятия и анализа, насыщен ассоциативными рядами, зашифрованными образами, интертекстуальными переключками. Сложные взаимоотношения двух поэтов не исключали сильного воздействия Белого на Мандельштама, что проявляется в элементах элегии, плача, реквиема, поминовения, синтеза траурной, скорбной интонации, раздумий о тайнах жизни и смерти с повествовательностью и чистым лиризмом, в котором ярко выражены черты символистской поэтики. В одном из вариантов стихотворения 10 января

1934 угасает ощущение боли и доминирует торжественный образ жизни художника в искусстве:

Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка
Иль звука первенца в блистательном собраньи,
 Что льется внутрь – в продольный лес смычка...
[Мандельштам 1994: 84]

Эмпатическое начало свойственно и некрологу М. Волошина «На преисподней» (1922), где собственно некролог памяти А. Блока и Н. Гумилева переходит в горькое размышление о судьбе русского писателя и о своей судьбе:

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь... [Волошин 2003: 347]

Поэтический некролог в обозначенный период обнаруживает и новые жанровые тенденции, которые получают развитие в последующую эпоху. Одна из главных – выход некролога за пределы жанра, что выражается в трансформации некрологов в цикл (о чем свидетельствуют и некоторые упомянутые в статье произведения) и поэму. В первую очередь это связано с процессами жанрообразования в лирике этого времени, в частности с её стремлением к циклообразованию.

При этом интересно то обстоятельство, что отдельные части цикла могли быть написаны еще до смерти человека в виде обычных стихов, посвящений или обращений, но, будучи объединенными в единую структуру после смерти, воспринимаются уже в другом жанровом ключе (подобно упомянутому циклам М. Цветаевой). Другим примером такой жанровой трансформации некролога является поэма «Плач о Сергее Есенине» Н. Клюева, обладающая чертами и стихотворного цикла, и поэмы (поэма-цикл).

Осмысленные Серебряным веком и поэзией эмиграции как его продолжением традиции и трансформации русской некрологической поэзии (как в тематике, так и в образно-семантической сфере) получат дальнейшее жанровое развитие – трагическая история страны, в которой даже «воздух пахнет смертью», расширит рамки и историко-философский фон поэтического некролога, новые особенности которого отчетливо прозвучат в главах ахматовского «Реквиема» (1935–1940).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АХМАТОВА, А. (1998): *Собрание сочинений. соч. в 6 т. Т.1.* Москва: Эллис Лак.
- БАЛЬМОНТ, К. (2010): *Собрание сочинений в десяти томах. Т. V.* Москва: Книжный Клуб Книговек.
- БЕЛЬЧЕНКО, Н. (1998): «Плач о Сергее Есенине»: Ритуально-мифологическая интерпретация текста. *Canad.-Amer. Slavic studies = Rev. Canad.-Amer. d'Etudes slaves. In Honor of Sergei Esenin.* 1998, vol. 32, p. 31–40.
- БЛОК, А. (1961): *Стихотворения и поэмы.* Ленинград: Советский писатель.
- ВЕССЛИНГ, Р. (2005): Смерть Надсона как гибель Пушкина: «Образцовая травма» и канонизация поэта «большого поколения». *Новое литературное обозрение*, 2005, № 75 (12.10. 2017). <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html>
- ВОЛОШИН, М. (2003): *Собрание сочинений в 12 т. Т.1. Стихотворения и поэмы.* Москва: Эллис Лак.
- ЕРЕМЕЕВА, Н. (2016): Отношение к смерти как социокультурный маркер. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*, 2016, № 4., с. 87–96.
- КЕРЕНЬИ, К. (2012): Боги – дети. In: К. Кереньи: *Мифология.* Москва: Три квадрата.
- ЛЕОНОВ, И., ЮСОВ, И. (2006): Русская эпитафия сквозь призму христианского понятия о печали. In: Г. Студенов – В. Венедиктов – Т. Жукова (ред): *Молодежь и Церковь: Проблемы и идеи.* Москва, б.изд., с. 127–131.
- НАБОКОВ, В. (2002): *Стихотворения.* Санкт-Петербург: Академический проект.
- ОРЕШИН, П. (2017): Сергей Есенин (9. 11. 2017), [http:// libverse.ru/ogreshin/sergey-esenin.html](http://libverse.ru/ogreshin/sergey-esenin.html)
- ПАСТЕРНАК, Б. (1991): Охранная грамота. In: Б. Пастернак: *Полное собрание сочинений в 5 т. Т.4,* Москва: Художественная литература.
- ШЕНГЕЛИ, Г. (1987): *Венок поэту: Игорь Северянин* [составители М. Корсунский, Ю. Шумаков]. Таллин: Ээсти раамат (13.11. 2017), [http:// www.booksite.ru/fulltext/sev_1/1.htm](http://www.booksite.ru/fulltext/sev_1/1.htm)
- СЕВЕРЯНИН, И. (1991): *Лирика.* Ленинград: Художественная литература.
- ЦАРЬКОВА, Т. (1998): *Русская стихотворная эпитафия.* Москва: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ.
- ЦВЕТАЕВА, М. (1994): *Собрание сочинений в 7 т. Т.1.* Москва: Эллис Лак.
- ЦВЕТАЕВА, М. (1994а): *Собрание сочинений в 7 т. Т.2.* Москва: Эллис Лак.
- ЧЕРНЫЙ, С. (1921): Памяти А. Блока. *Жар-Птица*, 1921, № 2, с. 37.
- ЯКОБСОН, Р. (1990): О поколении, растратившем своих поэтов. *Вопросы литературы*, 1990, № 7, с.73–98.

Профиль автора

Осипова Нина Осиповна – доктор филологических наук,
профессор кафедры культурологии и социологии,
читает курсы «Семиотика культуры», «Анализ художественного текста»,
«Культура русской эмиграции».

Сфера научных интересов: семиотика культуры, поэтика русской лирики
первой трети XX века и эмиграции.

Вятский государственный университет

Россия

Киров 610001

Московская, 36

<https://www.vyatsu.ru>

nina.osipova@list.ru

ЯРОМИРА ШИНДЕЛАРЖОВА

Чешская Республика, Усти-над-Лабей

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ УЗУСЕ МОЛОДОГО РУССКОГО ПОКОЛЕНИЯ В ЧЕШСКОЙ СРЕДЕ

ABSTRACT:

Phraseological Comparisons in the Contemporary Speech of the Young Russian Generation in the Czech Environment

The content of the text highlights the dynamic processes in the Russian and Czech phraseology and brings findings of current research focused on the occurrence of Russian and Czech comparisons in contemporary of young Russian generations living in the Czech environment. The aim of the first part of the research was to reveal the level of phraseological competence (active knowledge – passive knowledge – no knowledge of) in 11–12-year-old Russian pupils in Czech as their second language and to compare it with the phraseological competence in their mother tongue. The role of the second part of the survey (research) was to specify occurrence of the comparisons on the axis *centre – post-centre – periphery* on a sample of 110 Russian and 110 Czech comparisons. Our intention was also to show that in the modern process of teaching Czech as the second language, the comparisons have invaluable methodological and didactic significance for Russian pupils, because they allow them to create a complex phraseological competence in both Slavic languages.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseological units – similes – view of the world – phraseological competence – pupil – foreign pupil – primary school – Czech education system – language – Czech as a second language – Russian language – spoken usage – investigation – comparative analysis.

Введение

Исследования когнитивных аспектов языка на рубеже XX – XXI вв. заняли важное место в современной лингвистике. Стремление к выявлению национально-специфичных элементов современных европейских языков и культур приводит многих лингвистов (особенно русистов) к концепции «языковой картины мира», известной уже с учения о внутренней форме языка как проявлении индивидуального (resp. национально-специфического) взгляда на мир в концепции В. фон Гумбольдта.

Актуализации этого понятия в современных условиях значительно способствовала А. Вежбицкая и её последователи, которые, однако, многие языковые факты излагают излишне прямолинейно, что очень часто приводит к субъективизму, т.е. к переоценке специфики конкретных языков. Мы убеждены в том, что существование тождественных фразеологических единиц (далее ФЕ), в том числе и сравнений, в разных европейских языках и культурах (хотя во многом и в различных формах выражения) является доказательством того, что действительная, реальная языковая картина мира чаще является отражением не только национально-специфических, но скорее более широких и общих тенденций (генетических или типологических).

Конкретные языковые стереотипы при таком понимании могут быть объяснены лишь надёжными аргументами на фоне общих закономерностей и реальностей, поэтому межъязыковое сопоставление должно исходить не только из материала литературного языка, но и с учётом разновидностей народной речи, напр., просторечия и диалектов.

Фразеология и устойчивые сравнения

Фразеология последовательно отражает общественно-политические и другие изменения, происходящие в стране и за её пределами. Это подтверждают результаты специальных исследований, напр. [Балакова – Шинделаржова 2015: 30–35; Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013: 307; Кузнецова 2015: 65–78; 2016: 45–67 и др.]. Благодаря особенностям структуры и семантическим признакам устойчивые сравнения (далее УС) выделяются в отдельную группу ФЕ. Операция сравнения – самый древний вид интеллектуальной деятельности человека, она лежит в основе суждений о сходстве и различии объектов. УС базируются на компонентах логического сравнения, но во фразеологическом сравнении есть показатели образности: *zprávát jako slavík / неть как соловей; smát se / chechtat se / řehat se jako blázen / смеяться как сумасшедший* и т. п.

Как для русских, так и для чешских УС можно отметить и их интенсивную вариантность (см. варианты, которые ниже в тексте обозначены скобками или косой линией). Эти варианты мы, вслед за Ф. Чермаком [Šermák – Hronek 2009, I: 490] считаем индивидуальными, ибо они всегда относятся к одному конкретному выражению, но в то же время мы считаем их и устойчивыми, поскольку они являются составной частью основной комплексной формы сравнения, т.е. соотносятся друг с другом как по значению, так и по функции. Необходимо осознать, что существование вариантов – это естественное явление в языке, которое порождено его развитием и различным употреблением, сближением значений (подавлением периферийных особенностей и первоначально различных и самостоятельных выражений), актуальным включением в контекст, акцентовкой, языковой (особенно речевой) экономией, экспрессивностью и т.д., поэтому часто бывает нелегко определить исходный, обычно наиболее употребительный вариант – так называемый инвариант.

В левой части сравнения в результате семантического сближения и взаимодействия компонентов с фразеологическим целым могут появиться и слова, первоначально не связанные и семантически не похожие на современный компонентный состав, в то время как в правой части открывается широкое семантическое пространство для синонимических замен словами того же типа (см. нижеприведённые примеры). Напр., можно найти актуализацию авторских вариантов УС, которые в контексте могут подвергаться различным синонимическим и морфологическим изменениям, т.е. подвергаться грамматическим и лексическим трансформациям [Кузнецова 2015: 65–78; 2016: 45–67].

Наш собственный опыт преподавания славянских языков как родных или иностранных убеждает нас в том, что «мир в картинах» и «картина мира» в дидактическом понимании Я. А. Коменского занимают и в наше время значимое место в обучении, ибо составляют неотъемлемую часть коммуникативной компетенции иностранцев в общении, позволяют проникнуть в культурологический контекст другого народа и показать различные перспективы взглядов на язык с позиции его носителей, а именно – в языковых, межъязыковых и внеязыковых обстоятельствах.

Фразеология в чешской школе

В предшествующие периоды учебники чешского языка и школьных грамматик (напр., школьная грамматика Я. Гебауера, использовавшаяся в школах с 1890 г.) включали в себя и фразеологические примеры

с грамматическими фактами (напр., предложный падеж сущ.: *mít něco na srdci (na paměti, na myslí), mít něco na jazyku*). Источником таких ФЕ был и фольклор, и классическая чешская литература, такого рода материал был составной частью учебников, изданных во времена первой Чехословацкой Республики. Следовательно, в чешской среде ФЕ сначала служили не коммуникативным целям, а были инструментом определения языковых явлений и соответствующих упражнений в рамках грамматического учебного материала. Такое положение продолжалось вплоть до послевоенного времени (ср., напр., учебники Й. Елинека и Й. Галлера).

В последующий период, однако, фраземы в качестве иллюстраций к грамматическому материалу и упражнений начали исчезать из учебников и постепенно перешли в разделы обучения стилистике, причём всё больший акцент ставился уже на их коммуникативном аспекте. ФЕ уже служили в качестве тем и сюжетов для разработки стилистических упражнений, особенно – сочинений (наиболее популярными были фраземы типа *Kdo jiněmu jámu kopá, sám do ní padá* – Кто другому яму роет, сам в неё попадёт и т.п. либо фразеологические антонимы типа *tá obě ruce levé* (у него всё валится из рук) – *práce mu jde od ruky* (у него работа в руках горит) и т.п., но и некоторые сравнения типа *Zmizel jako stín / jako švec / jako kapka v moři / jako pára nad hrncem / jako by se propadl / jako by se vypařil / jako když proutkem mávne / jako by se voda nad ním zavřela / jako když se do země propadne / jako zrnko písku nebo Visí to nad ním jako Damoklův meč* и т.п.

Ещё в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века в чешской среде утверждалось, что знание и использование фразеологии у младшего поколения постепенно снижаются. Преобладало мнение, что способностью понимать фраземы и фразеологические сочетания обладает лишь зрелая молодёжь в возрасте с 14-ти лет, см. подробнее [Šechová 2007: 319–328]), поэтому в учебниках чешского языка средних школ того времени мы фразеологии практически не находим.

Большая заслуга в деле восстановления фразеологии в чешских школах принадлежит М. Чеховой, которая уже с 1974 года участвует в создании учебников для учеников средних школ. Благодаря ей в учебники чешского языка были не только включены ономаσιологические и семасиологические упражнения с фраземами, но эти языковые единицы стали использоваться и в стилистических упражнениях, сочинениях и других видах обучения, с ними связанных, например, при работе по развитию речи и характеристике явлений, лиц и т.д. В частности, для описания материального положения, состояний и качеств человека

использовались УС типа *být hladový jako vlk / herec, být chudý jako kostelní myš, být lakomý jako chrt, být pyšný jako páv, být drzý jako opice, být sladký jako med, být věrný jako pes, být pilný jako včelička / mravenec, být chytrý / lstivý / bystrý / mazaný / jako liška, mít sílu jako medvěd, být vylekaný / vyjukaný jako zajíc* и т.п. Аналогичным образом обстоит дело и в повествовании, например: *chovat se / být jako (malé) dítě, kroutit se jako had, mlčet jako ryba / hrob, chovat se jako utržený ze řetězu; zůstat stát, jako by do něj hrom uhodil; měnit barvu jako chameleon, dřít / pracovat / makat jako mezek / kůň, tvářit se jako neviňátko, bát se čeho jako čert kříže, spát jako dudek / špalek / poleno, lítat jako hadr na holi* и т. п.

В ходе учебного процесса учащиеся в чешских школах осваивают основные фразеологические модели, в первую очередь, – УС, связанные с цветовыми номинациями, например: *modrý jako chrpa, zelený jako brčál, žlutý jako citron / jako kanárek, rudý jako krev* и т.д. и УС, отражающие различные качества человека, например: *být hbitý jako lasička, starý jako Metuzalém, přesný jako hodiny, hubený jako koza, rychlý jako blesk / střela, chudý jako kostelní myš, mít hlad jako herec* и т.д. Учебники чешского языка для младших школьников в обязательном порядке содержат такие УС, как *koukat / zírat jako tele na nová / nový vrata*, на более высоких ступенях обучения уже даются и их варианты: *koukat / zírat jako kráva / tele / puk / bacil do lékárny, jako rybičky do akvária, jako péro z kanape, jako vyvoraná myš*, описывающие внешность удивленного, сбитого с толку человека, внешность несколько глуповатого человека. В 4-м и 5-м классах большинство учащихся уже способно различать УС в составе целых предложений, например: *Křičel, jako by ho na nože brali. Utíkal, jako by mu hořelo za patami. Koukal na mě, jako by mu uletěly včely. Spal, jako by ho do vody hodil. Tvářil se, jako by neuměl do pěti počítat / jako by se nechumelilo. Zůstal stát, jako by do něj hrom uhodil / přaštil* и т. п.

Постепенно процесс обучения видоизменяется, что дает возможность создавать в процессе коммуникации различные стилистические оттенки, например, шутки, иронии, сарказма. Большой популярностью у чешских школьников пользуются фразеологизмы-неологизмы, основанные на принципе парадокса: *nepáradný / nepáradnej jako / Eskymák na Sahaře / na poušti, jak sáně v létě*, при этом проведенное нами исследование подтвердило тенденцию последних лет, заключающуюся в том, что учащиеся способны варьировать компонентный состав фразем, создавать на их основе варианты с тем же значением или же фраземы-неологизмы (ср., напр., *koukat / zírat / vejrat / čumět jako*

tele / kráva na nový vrata / jako bacil do lékárny / jako prase na gril ..., jako když mu uletěly včely / prachy, ... jako vyvoraná myš / jako péro / jako puk, ... jako když nadloube volovi / jako když mu chybí fet и т.п.).

Характеристика и методика межъязыкового фразеологического исследования

Исследование фразеологической и фразеосемантической компетенций в чешском и русском языках как родном или иностранном вместе с формальным и семантическим анализом чешских и русских УС (ср. с результатами наших предыдущих исследований [Балакова – Шинделаржова 2015: 30–35; Шинделаржова 2011: 173–185; 2016a: 70–72; 2016b: 266–272; Šindelářová 2007: 343–357; 2009: 138–152; 2010: 314–327; 2012b: 604–611; 2017a: 117–133; 2017b: 187–204]) позволяет нам заглянуть во фразеологический фонд обоих языков, показать их общую специфику в рамках ФЕ, обнаружить ряд как сходных, так и различных языковых явлений, выявить семантическое родство и формальное сходство, что в итоге указывает на то, что необходимо искать общие места и пересечения с другими языками. Всё это позволяет нам выявить общие черты отдельных языков в славянском контексте, которые можно эффективно использовать при обучении этим языкам как иностранным.

В начале 2017 г. нами было проведено исследование, направленное на анализ динамики чешских и русских фразеологических сравнений по оси «центр – периферия». Нашей задачей было проследить их употребление в коммуникации русских учеников-иностранцев, живущих в ЧР более пяти лет и посещающих чешскую школу.

Для выявления уровня фразеологической компетенции в русском как родном и в чешском как иностранном языке мы провели исследование на базе 800 русских респондентов-учеников пятых классов (с 11 до 12 лет) из 55 школ в 14 областных городах ЧР и в столице Праге. Степень знания ФЕ и владения ими младшими русскими школьниками-иностранцами проверялась на базе 110 чешских и 110 русских примеров УС, поскольку тема «устойчивые сравнения» в рамках фразеологии сегодня включена в программу обучения уже с начальной школы, и практический материал, в том числе в виде упражнений, составляет значительную его часть не только в процессе обучения чешскому языку как родному, но и в практике преподавания иностранных языков в школах в ЧР.

В группе информантов мы исследовали фразеологическую компетенцию в плане активного и пассивного знания УС и понимания семантики. Исследование проходило в два этапа, при этом мы воспользовались

методикой наших словацких коллег [Балакова 2011; Ковачова 2011; Kováčová 2012], использующих дихотомический подход. Таким образом, с одной стороны, мы исследовали фразеологическую компетенцию в узком смысле – как так наз. «фразеосемантическую компетенцию», т.е. как высший уровень фразеологической компетенции, отражающий более глубокий уровень знаний, который включает в себя способность адекватной интерпретации УС (второй этап исследования), а с другой стороны, – фразеологическую компетенцию в широком смысле, т.е. с точки зрения активного узуального использования УС, включая пассивное знание. В этом случае мы не учитывали фактор правильной семантической интерпретации, т.е. активное узуальное использование – пассивное знание – незнание (первый этап исследования).

На основе анкетных данных мы попытались выяснить, способны ли наши русские респонденты на базе собственных знаний и личного речевого опыта охарактеризовать предложенный им список из 220 тождественных или очень близких по значению чешских и русских УС (по 110 УС в каждом языке) с точки зрения их употребления в обоих языках.

При выборе примеров чешских и русских УС, как правило содержащих в своем компонентном составе особый знак – показатель сравнения *jako / jak / как*, который является неотъемлемым элементом УС, мы, с одной стороны, исходили из их изначальной формальной и семантической специфики и относительной самостоятельности, с другой стороны, – и из их характера, особенно с точки зрения частотности, т.е. степени их употребительности. В список не вошли УС «периферийного» характера: региональные, устаревшие (resp. устаревающие), так и совсем новые (неологические) УС, с ещё не вполне устоявшейся структурой, компонентным составом и пока малоупотребительные. Прозрачная этимология выбранных речений была призвана помочь более глубокому пониманию значения как самого УС, так и мотивировки его внутренней формы. Очень близкие или незначительно отличающиеся друг от друга чешско-русские параллели УС (что обусловлено общей мотивирующей базой) должны были послужить наглядным подтверждением близости обоих сравниваемых языков.

Результаты исследования

Результаты нашего исследования показали, что почти третья часть наших русских респондентов (29 %) употребляет в чешском, т.е. иностранном для них языке, тематически ограниченные УС активно (уровень 1А и 1В), в то время как пассивное знание (уровень 2А и 2В) продемонстрировало 53 % учеников. Лишь 18 % русских школьников

охарактеризовало предложенные УС в чешском языке как неизвестные (уровень 3). В своем родном языке более трети наших респондентов (35 %) употребляет УС активно, а почти две трети (61 %) – пассивно. Лишь 4 % школьников охарактеризовало предложенные УС в русском языке как неизвестные.

Полученные данные говорят о сравнительно хорошем знании учениками 5-ых классов названного набора чешских и русских УС, хотя пассивное знание преобладает в обоих языках над активным, что мы и предполагали.

Сопоставление чешских и русских УС с исследованными статистически обработанными данными русских школьников в школах ЧР подтвердило, что с точки зрения активного и пассивного употребления чешских и русских УС результаты были различными, хотя они отличались не так резко, как мы предполагали. Их активное знание русских УС в родном языке по сравнению с чешскими УС было на 6 % выше, пассивное знание на 8 % выше, а незнание на 10 % ниже, чем у чешских учеников.

Критерием второго этапа исследования была оценка УС на оси «центр (ядро) – постцентр – периферия» с целью определить актуальность отдельных УС на пограничных отрезках. При определении пограничных (процентных) величин мы исходили из трёх областей разного употребления УС и из соотношения ответов 1 АБ и 2 АБ. Первый ряд соответствует единицам центра фразеологического употребления респондентами (в процентном диапазоне 100–76 %), второй относит УС к постцентру (75–51 %); последний (50–0 %) образуют УС периферии фразеологического узуса учеников.

Интересные результаты были установлены в рамках наиболее часто употребляемых УС в ряду «центр (ядро)» в чешском и русском языках, ибо первые двадцать УС показали полное сходство. К ним принадлежат следующие УС (в скобках указано процентное соотношение ответов респондентов-школьников, охарактеризовавших их как «знаю»): *usmívat se jako sluníčko (na hnoji)* / улыбаться как ясное солнышко (99,3 %), *rozumět čemu jako koza petrželi* / разбираться в чём-то как свинья в апельсинах (99,1 %), *být (mírný / krotký / trpělivý) jako beránek* / (быть) как ягнёнок (98,9 %), *smát se / chechtat se / řehat se jako blázen* / смеяться как сумасшедший (98,4 %), *(být, cítit se) (jako) v sedmém nebi / (být, cítit se) (jako) v sedmém nebi* / быть на седьмом небе (98,3 %); *zpívat jako slavík* / петь как соловей (97,4 %), *být jako pijavice* / присосаться как пиявка (96,3 %), *mít nervy jako provazy / špagáty* / у него нервы как канаты / [как] стальные, у него железные нервы (95,2 %), *mít pohu* /

pohu jako slon / (u него) ноги как у слона (94,1 %), cítit se / připadat si (někde) jako chudý příbuzný / чувствовать себя / вести себя как бедный родственник (93,0 %), chrápat jako když pilou řeže / храпеть как боров (92,6 %), být jako trpaslík / он (маленький) как карлик (90,2 %), běžet / utíkat / jet jako o závod / бежать / ехать как будто на перегонку (88,7 %), stát / zůstat stát jako solný sloup / обратиться в (соляной) столб (86,4 %), jednat / zacházet s kým jako v rukavičkách / обращаться с кем-то как с хрустальной вазой / как с драгоценным фарфором (83,9 %), vypadat jako strašidlo / выглядеть как пугало, страшный как привидение (83,1 %), svalit se / radnout jako žok / свалиться / упасть как куль (с мякиной / с мукой) (81,7 %), tancovat jak někdo píská / плясать под чью-то дудку (78,3 %), být / sedět / chodit / mlčet jako zařezaný / zařezanej / он как мёртвый, как воду опущенный, как воды в рот набрал (76,6 %), být otrávený / otrávenej jako šváb / нахохлиться как сыч (75,4 %).

К двенадцати наиболее известным УС в чешском языке (в скобках указано процентное соотношение ответов респондентов-школьников, охарактеризовавших их как «знаю») относятся УС: *být chytrý / lstivý / mazaný jako liška (99,1 %), dupat jako slon (99,0 %), mít rýmu jako hrom / jako blázen (98,5 %), být věrný jako pes (98,4 %), být silný jako lev (98,2 %), být bystrý jako rys (98,1 %), být rychlý jako střela (98,0 %), tvářit se jako neviňátko (97,9 %), být slizký jako had (95,4 %), mít hlad jako herec (92,7 %), být silný jako kůň (88,0 %), držet se koho jako klíště (86,9 %).*

Поскольку постцентр УС в чешском языке составляет у наших респондентов-иностранцев в школе в ЧР из данного набора 58 УС, то мы приведём для полноты описания результатов нашего зондирования их список (включая учёт процентного соотношения от общего числа исследуемых УС): *chovat se jako slon v porcelánu (74,9 %), vypadat / být jako strašidlo (73,4 %), být zdravý jako rybička (73,1 %), být pilný jako včelka / včelička (72,3 %), být hladový / mít hlad jako vlk (72,2 %), být tma jako v pytli (72,0 %), být chytrý jako rádio (71,7), být pyšný / nosit se jako páv (71,5 %), mlčet jako ryba (71,3 %), Křičel, jako by ho na nože brali (70,2 %), Spal, jako by ho do vody hodil (69,0 %), Utíkal, jako když hoří / jako by mu hořelo za patami (68,9 %), Tvářil / tváří se, jako by neuměl do pěti počítat (68,1 %), podobat se komu jako vejce vejci (66,8 %), sladký jako med / cecek (66,5 %), Tvářil / tváří se, jako by se nechumelilo (66,4 %), být drzý jako opice (66,3 %), být líný jako veš (66,1 %), mít se jako prase v žitě (65,3), být kde lidé jako psů (64,6 %), rýma jako hrom (63,9 %), pršet / lít jako z konve (63,8 %), lhát, jako když tiskne (63,6 %), být hluchý jako poleno / dřevo (62,9 %), být jako ryba ve vodě (62,2 %), růst jako dříví v lese (62,1 %),*

křičet / řvát jako na lesy (61,8 %), koukat / čumět jako vrána (60,0 %), být chytrý jako opice / vopice (59,6 %), hrát si s někým jako kočka s myší (59,5 %), být tma jako v pytli (59,4 %), držet co jako prase kost / cvičku (59,2 %), být jako spící panna (58,9 %), růst jako z vody (57,8 %), šít sebou jako pytel much (57,4 %), být ostrý jako břitva (57,1 %), lítat jako hadr na holi (56,9 %), koukat / zírat / čumět, jako když mu uletěly včely (56,7 %), být chudý jako kostelní myš (56,0 %), mluvit jako do dubu (55,8 %), bát se koho, čeho jako čert kříže (55,7 %), být ráno (zrána / poránu) čerstvý jako rybička (55,5 %), mít tváře jako růžičky (55,2 %), přijít k čemu jako slepý k houslím (55,1 %), potřebovat co (to) jako prase drbání (55,0 %), být hezký jako obrázek (54,9 %), mít / udělat flek jako Brno (54,8 %), být jako dubnové počasí (54,7 %), mít oči jako pomněnky (53,8 %), být jako za groš kudla (53,6 %), být hloupý, jak daleko vidí (53,5 %), být dlouhý jako Lovosice (53,3 %), pálí to jako čert (53,2 %), psát / čmárat jako kocour (52,9 %), být jako páté kolo u vozu (52,8 %), bušit do toho jako hluchý do vrat (52,6 %), sedět na čem (tom) jako vosy na bombónu (52,5 %), Je to, jako by hrách na stěnu házel (51,4 %).

На периферии (т.е. дефинируемые учениками как «неизвестные») у наших респондентов остаётся в чешском языке 20 УС, которые, на наш взгляд, уже нельзя включать в фразеологический минимум. К ним принадлежат: *střežit koho jako oko v hlavě (50,0 %), být jako za groš kudla (48,3 %), mít tváře jako slabikáře (45,6 %), dřít jako kůň / mezek (43,2 %), být štíhlý jako proutek (41,0 %), být starý jako Metuzalém (39,6 %), mít hřívu jako lev (38,8 %), mít nepořádek jako v džungli (37,2 %), třást se (chvět se) jako osika (32,8 %), jít komu co jako psovi pastva (26,7 %), holka jako lusk (26,3 %), dočkat času jako husa klasu (25,5 %), naparovat se jako holub na báni (25,0 %), koukat / čumět / zírat, jako když nadloube volovi (24,7 %), být lakomý jako chrt (24,3 %), mít ústa / pusy jako vlčí máky (24,1 %), Zpíval, jako by měl zlato v hrdle (22,5 %), být mrštný jako pstruh (21,4 %), být hodín jako na kostele (21,1 %), mlít (pusou, hubou) jako kolourátek (14,6 %).*

Показатели знаний русских школьников 5-х классов являются убедительным доказательством преобладающего положения центра (32 УС, т.е. 35 %) и постцентра (58 УС, т.е. 63 %) из числа исследуемого набора 110 чешских УС над последним типом – периферией (20 УС, т.е. 22 %), что свидетельствует и о том, что русские ученики-иностранцы начального этапа обучения в ЧР знают многие чешские сравнения и некоторые из них активно употребляют в общении (ср. с подобными результатами чешских учеников того же возраста [Шинделаржова 2018: 193–201]. Результаты зондирования в их родном языке показывают преобладание центра (38 УС из 110, т.е. 42 %) и постцентра (67 УС, т.е. 73 %)

над периферией (5 УС, т.е. 5 %). Это является доказательством того, что данные русские ученики лучше знают УС родного языка и активно их употребляют.

Заключение

Поскольку многие из проанализированных русских УС почти совпадают по своей употребительности с чешскими УС в чешской языковой среде, то они могли бы тем самым стать основой фразеологического минимума для школьников начального этапа обучения в ЧР. Поэтому на основе нашего исследования и его частичных результатов мы рекомендуем включить вышеприведенные чешские и русские УС, относящиеся к фразеологическому ядру, в систему чешского школьного образования, ибо мы убеждены в том, что это приведёт к развитию фразеологической компетенции русских школьников-иностранцев не только в чешском как в иностранном языке, но и в других славянских языках.

Наш опыт обучения славяноязычных студентов показывает, что на овладение иностранным языком большое влияние оказывает характер первого языка (как правило – родного), поэтому описанные выше явления могут повлиять прежде всего на подготовительную (мотивационную, актуализационную или активизационную) фазу обучения.

Новейшие результаты, полученные лингвистической теорией, прикладными дисциплинами и педагогической практикой показывают, что изучение иностранного языка намного сложнее в случае, если таким языком является типологически иной язык. Близкое сходство либо полное тождество основного словарного фонда, полное или частичное совпадение лексических единиц, существование близких грамматических категорий, одинаковых или сходных грамматических и структурных моделей помогают славянам и в области ФЕ на основе более широкого сопоставительного описания без особых трудностей и более систематичной филологической подготовки понимать славянский текст. Опорой для более быстрого освоения ФЕ иностранного языка может стать фразеологическая модель, которую иностранный учащийся знает в своём родном языке либо в другом славянском языке, которым владеет.

Общие выводы нашего исследования в чешской школе подтверждают (ср. с результатами И. В. Кузнецовой в русской начальной школе [Кузнецова 1999: 87–91]), что адекватный уровень фразеологического (специфически языкового) сознания, предполагающий точное и правильное знание значения конкретных УС, не должен быть обязатель-

ным условием успешной коммуникации, ибо носитель близкого славянского языка способен на основе своего языкового (а в его рамках также фразеологического) сознания употреблять УС другого славянского языка приемлемым и подходящим способом, для чего очень часто достаточно поверхностного семантического знания соответствующей УС (ср. [Kováčová 2012: 686–693, Шинделаржова 2011: 173–185; Шинделаржова 2016a: 70–72; 2016b: 266–272; Šindelářová 2017: 117–133; 2017: 187–204]).

При толковании УС свою роль играют не только языковые навыки и умения, но и общий кругозор, жизненный опыт и способность запоминания. Необходимо, чтобы фразеология понималась в обучении родных и иностранных языков как развитие, тренировка и усовершенствование способностей, а также и как способность обучаемых воспринимать лексические единицы, т.е. слушать и понимать УС и как следствие – обрабатывать их при реализации последующей речевой деятельности либо в письменных сообщениях. Знание и понимание фразеологических УС обучаемого языка являются одним из условий его успешного употребления, поэтому необходимо всё больше синтезировать лингвистику и дидактику языков, сопоставлять обучение чешского языка как родного с методикой обучения ему как языку иностранному, повышать требования к обучению и избирать системные подходы профессиональных и педагогических работников к решению основных лингводидактических задач. Общие особенности и взаимодействие с другими языками и культурами сможет в этом случае выявить некоторые общие черты УС не только в европейском, но и в мировом контексте, что можно эффективно использовать в мультикультурных классах при обучении чешского языка как иностранного и при включении учащихся-иностранцев в чешский образовательный процесс.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАЛАКОВА, Д. (2011): Межславянское понимание с фразеологической точки зрения II. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург, 2011, с. 206–214.
- БАЛАКОВА, Д. – ШИНДЕЛАРЖОВА, Я. (2015): Межъязыковые и межкультурные соответствия русским библеизмам в чешской и словацкой студенческой аудитории (результаты исследования). *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ в 15 т. (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.)*. В 15 т., Т. 11. СПб.: МАПРЯЛ, с. 30–35.
- БАЛАКОВА, Д. – КОВАЧОВА, В. – МОКИЕНКО, В. М. (2013): *Наследие Библии во фразеологии*. Грайфсвальд: Ernst Moritz Arndt Universität.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.

- КОВАЧОВА, В. (2011): Межславянское понимание с фразеологической точки зрения I. *Фразеология и языковая динамика*. Грайфсвальд – Санкт-Петербург, с. 197–205.
- КУЗНЕЦОВА, И. В. (1999): Изучение устойчивых сравнений в начальной школе. *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. №3 (8). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, с. 87–91.
- КУЗНЕЦОВА, И. В. (2015): Иисус Христос в устойчивых сравнениях христиан. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 60, № 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, с. 65–78.
- КУЗНЕЦОВА, И. В. (2016): Персонажи Библии в словацких сравнениях (на фоне других языков). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 61, № 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, с. 45–67.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Словарь сравнений русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- МОКИЕНКО, В. М. – НИКИТИНА, Т. Г. (2008): *Большой словарь русских сравнений*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- ШИНДЕЛАРЖОВА, Я. (2011): Фразеология при обучении чешскому языку как родному и иностранному. *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Sankt-Peterburg, с. 173–185.
- ШИНДЕЛАРЖОВА, Я. (2016a): Фразеологические билеизмы в чешской речи (результаты проектного исследования между двумя поколениями в студенческой аудитории). *Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, с. 70–72.
- ШИНДЕЛАРЖОВА, Я. (2016b): Сравнения как фразеологическая компетенция студентов педагогического профиля начального этапа обучения (результаты исследования). *Устойчивые сравнения в системе фразеологии*. Sankt-Peterburg – Greifswald 2016, с. 266–272.
- ШИНДЕЛАРЖОВА, Я. (2018): Сравнения как фразеологическая компетенция при обучении родному языку в начальной школе Чешской Республики. *Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования. Сборник научных статей*. [Электронный ресурс] / отв. ред. В. И. Бычков, В. П. Ковалев. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018, с. 193–201.
- ČESNOVÁ, M. (1984/85): Kniha o přirovnání. *Český jazyk a literatura*, 1984/85, roč. 35, č. 5, s. 234–236.
- ČESNOVÁ, M. (1985/86a): Frazeologie a mládež. *Český jazyk a literatura*, 1985/86a, roč. 36, č. 3, s. 101–110.
- ČESNOVÁ, M. (1985/86b): Frazeologie ve škole. *Český jazyk a literatura*, 1985/86b, ročník 36, č. 4, s. 145–150.
- ČESNOVÁ, M. (1986): Dynamika frazeologie. *Naše řeč*, 1986, roč. 69, č. 4, s. 178–186.
- ČESNOVÁ, M. (2007): Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců. In: *Frazeologické štúdie V*. Ružomberok: FF KU, s. 319–328.
- ČERMÁK, F. – HRONEK, J. a kol. (2009): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha: Leda.
- KOVÁČOVÁ, V. (2012): Frazeologická kompetencia slovenskej strednej generácie (na materiáli biblickej frazeológie). In: *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia slowianska*

- w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym.* Szczecin – Greifswald, s. 686–693.
- MOKIENKO, V. – WURM, A. (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: UP.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: UP.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2007): Znalost a chápání frazémů u cizinců. In: *Princípy lingvistik-
kej analýzy vo frazeológii. Frazeologické študie V*. Ružomberok: FF KU, s. 343–357.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2009): Varianty českých frazémů – specifikum češtiny jako jazyka
západoslovanského. In: *Aspekty jazykovedné a literárnovedné II*. Ružomberok:
FF KU, s. 138–152.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2010): Přirovnání s komponentem „dítě“ v české a ruské idio-
matice a frazeologii. In: *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der
slawischen Phraseologie*. Greifswald: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald,
s. 314–327.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2012a): Frazeologie a jazyková hra ve výuce mateřského jazy-
ka. In: *Ученые записки Таврического национального университета имени
В. И. Вернадского*. Том 25 (64). No 2(1). Симферополь, с. 57–64.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2012b): Paremiologická kompetence mladé a střední generace
(na materiálu přísloví biblického původu). In: *Slowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia
słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeolo-
gicznym*. Szczecin – Greifswald, s. 604–611.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2017a): Frazeologická kompetence pedagogů v české primární
škole (mezigenerační výzkum). *Didaktické studie*, roč. 9, č. 2, s. 117–133.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2017b): Biblická frazeologie v povědomí mladé a střední genera-
ce učitelů primárních škol. In: *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: PedF UK,
s. 187–204.
- ŠINDELÁŘOVÁ, J. – PROCHÁZKOVÁ, Z. (2014): *Foreign Language as a Means
of Intercultural Communication in Czech Primary Education*. Greifswald: Institut
für Fremdsprachliche Philologien – Slawistik, Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

Данный текст публикуется в рамках проекта СГС университета
Я. Е. Пуркине в Усти-над-Лабем №-UJEP-SGS-171-03-03.

ПРОФИЛЬ АВТОРА

Доц. др. Яромира Шинделаржова, к.ф.н.

Преподаватель кафедры чешского языка и литературы и кафедры первично-
го образования Университета им. Я. Е. Пуркине в г. Усти-над-Лабем. Является
гарантом специальности деловой русский язык, читает курсы дидактики языка
и стиля, лексикологию и стилистику.

Katedra českého jazyka a literatury

Univerzita J. E. Purkyně

České mládeže 8

400 96 Ústí nad Labem

www.ujep.cz

jaromira.sindelarova@gmail.com

ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Россия, Москва

**МОТИВ ОТРОСШИХ РУК В СКАЗКЕ «БЕЗРУЧКА»
И НА ИКОНЕ «ТРОЕРУЧИЦА»¹**

ABSTRACT:

The Motif of Hands Grown Back in the Fairy Tale “Bezruchka” and in the Three Handed Virgin Icon

The author studies the motif of hand regeneration in a fairy tale “Bezruchka” (A Girl without hands) and the popular Christian legend of the icon Trojeručica (“Three Handed Virgin”). In most cases, in Russian folk tradition, the lack of limbs is a punishment for wrong behavior and a sinful act (the deceit, the destruction of the Church, drunkenness, etc.). Such violators of behavioral norms are unable to restore their original state. In the tale and legend under discussion, the lack of hands is not a punishment. The heroine does not violate any prescribed rules of society. Moreover, the legendary texts do not use the motif of cutting the limb off, so the motif of regeneration can be presented in two ways: as a return to the normal state and as a sign of exceptional chosenness.

KEYWORDS:

Fairy tale – a traditional Christian legend – folklore – behavioral norms, disease and disability in the traditional culture.

Сказка сюжетного типа СУС 706 «Безручка» (= АТУ 706 «The Girl without Hands») относится к ядру русского сказочного репертуара. Согласно указателю сюжетов «Восточнославянская сказка» [Баран 1979] зафиксировано около 50 русскоязычных вариантов данного сюжета.

¹ Грант РГНФ – 00145-01-16 (проект «Репрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья»).

Отметим, что в указатель не попали сказки, опубликованные после 1979 г., некоторые публикации в региональных изданиях и архивные тексты. С привлечением этих материалов число вариантов существенно увеличивается.

Данный сюжет всегда привлекал внимание исследователей [Поповић 1912; Schlauch 1927; Елеонская 1907: 78–90; Зуева 1982: 43–65]. Наиболее полная подборка материалов о реализации данного сюжета в европейской традиции сделана Х. Э. Хайнер на сайте «SurlaLuna Fairy Tale Pages» [Heiner]. История сюжета связана со сказками из «Книги тысячи и одной ночи». В 347 ночь Шехерезада (Шахразада) рассказывает персидскому царю Шахрияру сказку о женщине с отрубленными руками. Этот же сюжет позднее разрабатывался западноевропейскими средневековыми легендами. Ряд исследователей полагает, что этот мотив бытует и в средневековой европейской литературе, однако это не всегда так. Например, считается, что сюжет, аналогичный русской сказке, есть в «Кентерберийских рассказах» Чосера [Чосер 2012]. Однако рассказ юриста о Констанце не является сюжетным типом СУС 706. В нем отсутствует мотив отрубания рук молодой женщине, привязывание к ней ребенка, чудесное устранение инвалидности у колдунца. На протяжении всего текста героиня сохраняет физическое здоровье. У Чосера представлен сюжет об оклеветанной жене, который встречается в ряде сказок, например в СУС 707 («Чудесные дети»). В нем героиню с ребенком бросают в бочке в море или, как и у Чосера, сажают в лодку без руля, но не отрубают руки. У Чосера эпизод ложного обвинения и изгнания героини повторяется: в первый раз ее изгоняет мать султана, а второй – мать короля Нортумбрии Аллы. Несколько иной случай мы наблюдаем в «Приятных ночах» Дж. Страпаролы [Страпарола 1978]. Четвертую сказку первой ночи о кознях Тебальдо, князя Салернского, также принято относить к сюжету СУС 706. Однако и в этом случае Дораличе не отрубают руки. Этот текст использует два других сюжетных типа, связанных с мотивом потенциального инцеста отца героини. Основная канва сюжета наиболее близка к разновидности СУС 706С «Терпеливая Елена». В сказках этого типа девушка, противясь желанию отца-вдовца жениться на ней, убегает из дома, становится женой королевича и рождает ему ребенка. Отец героини убивает внука, подкидывает окровавленный нож дочери, за что ту изгоняют из дворца. В сказке ей обычно удается оживить ребенка, вернуть любовь мужа и раскрыть коварство отца. В литературном варианте оживление ребенка оказывается невозможным. Для русской традиции данный сюжет не зафиксирован, и в восточнославянской

традиции он известен по белорусскому и украинскому материалу. Мотив «сокрытия в шкафу» в русской сказочной традиции реализован в другом сюжетном типе СУС –510В* «Золотой фонарь». В этой сказке царь-вдовец также хочет жениться на собственной дочери, но она скрывается в золотом фонаре, который потом оказывается у царевича, женой которого она и становится. На русском материале сюжет представлен единственной записью 1893 г., которую сделал П. Семенов в станице Слепцовской [Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа 1893: 118–125]. Таким образом, текст Дж. Страпаролы ошибочно рассматривается как один из литературных вариантов «Безручки». Еще один текст, традиционно считающийся литературным вариантом фольклорной сказки СУС 706, – это «Пента-Безручка» из сборника «Пентамерон» Дж. Б. Базиле [Базиле 2016]. Данный текст действительно представляет сюжет СУС 706, хотя и с определенными особенностями, отсутствующими в русской традиции. Так, у Базиле брат героини хочет на ней жениться и, стараясь избежать кровосмешения, героиня отрубает себе руки сама.

Самые известные европейские фольклорные варианты сказки «Безручка» – это четыре текста из сборника братьев Grimm [Grimm 1812: 69–72, 455–456]. В вариантах из Цверна, Падерборна и Мекленбурга присутствует мотив инцеста, а вот в тексте из Гессена он отсутствует. В немецких вариантах очень важным оказывается момент излечения девушки. Инвалидность может исчезнуть после того, как деревья вокруг лесной хижины вырастают настолько, что для того, чтобы их обхватить, у героини должны вырасти руки. Другой вариант сходен с русской версией – героиня опускает обрубки в воду или переплывает реку, и руки отрастают заново. Надо отметить, что в немецкой традиции довольно сильно проявляется элемент божественного чуда: девушку сопровождает ангел, небесный свет указывает ей путь и т.п.

Русский вариант «Безручки» связан с «Повестью о царевне Персике» [Волкова, Чупрова 1999: 16–25; Федорова 2014: 267–274]. Как отметила В. Д. Кузьмина, в «Повести...» автор *стремится подчеркнуть напряженность любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности ..., охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи ... и модной галантной лексики.* Все это способствует созданию произведения, которое из *легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование* [Кузьмина 1958: 449–452].

Вероятно, именно это стремление к «любовно-авантюрному повествованию» и сделало сказку «Безручка» одним из самых популярных сюжетов в русском сказочном репертуаре. Большую роль в любви к этому сюжету сыграл и образ главной героини – невинно оклеветанной девушки, лишившейся рук по навету жены брата. Сказочники любят свою героиню и с большим сочувствием описывают ее лишения и беспомощность.

Сострадание сказочников к оклеветанной девушке понятно. Она становится беспомощным инвалидом. Для русской фольклорной традиции инвалидность человека, а не мифологического персонажа, может быть своеобразным знаком. Физический недостаток рассматривается как результат проклятья или нарушения запрета [Ясинская 2013: 79–89; Ясинская 2016: 594–596]. В религиозной фольклорной прозе инвалидность становится результатом некоего неправильного поступка [Амосова 2014: 306–316] или святотатства [Добровольская 1999: 500–512; Добровольская 1997: 76–88; Шеваренкова 1998; Фадеева 2003: 123–126; Мороз 2000: 177–185]. Болезнь, вызванная дурным поведением, обычно неизлечима. Так, в ряде вариантов сюжета о девушке, танцевавшей с иконой, помимо мотива окаменения, есть и мотив освобождения от стояния (иногда это делает безгрешный отрок, сын священника, иногда святой Николай, явившийся в образе старичка). Девушка вроде бы оживает, но становится инвалидом: у нее психические расстройства, она не может нормально ходить, говорить, ее бьют судороги и т.д. Обычно нечестивица после физического излечения быстро умирает, поскольку в процессе наказания страдает ее духовная сущность:

Стала танцевать. Пригласила шесть пар, а ее седьмой-то, Николай, не придет. Так она сняла икону Николая и начала с ним кружиться. Раз прокружилась – какой-то ветерок. Второй раз прокружилась – сильный ветер. Третий раз прокружилась – вихрь в избе. И она окаменела. Стала середь избы, как статуя. ... Никого, никого, никого не подпускали. Никаких митрополитов, никаких. Только один старичок пришел. Его допустили, чтоб ее снять с этого места, а пришел это Никола землицей. Вот, это Никола пришел и ее снял.... Вот Чудотворец. ... «Что, – говорит, – натанцевалась? Тебе, – говорит, – только жить до Благовещенья». И потом уж, конечно, молились, отпевали [Фольклор Сосновского района 2013: 281–282].

Физический недостаток может рассматриваться как наказание за грехи самого человека, его родителей или предков:

Ваня поехал венчаться со второй женой. Он обманул батюшку, что детей нет. А у него два сына, они в Сиухе. ... У него с этой женщиной народилась

девочка без глаз. Сколько она жила – не знаю. Она умерла эта девочка [Фольклор Сосновского района 2013: 274].

Инвалидностью наказывают человека за разрушение церкви. Довольно часто в этом случае недуг прямо соотносится с тем ущербом, который нанесен церкви. Так, сбросивший колокол – лишается языка, отбивший «уши» (проемы за которые подвешивают колокол) – становится глухим, разрушавший церковное здание – страдает от разбившего его паралича.² Аналогично, человек, который открыл церковь для разграбления, становится инвалидом (теряет, например, подвижность руки, которой он открыл дверь в храм). В таких случаях человек обычно живет долго, испытывает необыкновенные мучения как физические, так и моральные. В данном случае инвалидность становится своеобразным средством, направленным на то, чтобы виновного настигло осознание своего греха и он получил определенное время на его отмаливание:

Ну, сами руки не накладывали, чтобы упереть, и пришли к старосте церковному. Там староста был, кличи были у него в церкви. Он не отпирал. Потом еще много раз ездили. Потом приехали последний раз, он им и говорит: «Вот давайте я самый первый возьму, что есть в церкви, чего мне надо в церкви». Ему разрешили. Он только подошел к церкви-то – у нас ограда была высока, голубая – как подошел, как только отпер церкву, его и перекинуло через ограду. У него и рука отнялась. Рука отнялась и нос свез... И он долго жил. Все каялся... [Фольклор Сосновского района 2013: 283].

Но героиня сказки никаких злодейств не совершала: она не убивала любимого пса, коня и ребенка брата; она не разоряла его хозяйство; она не вела разгульный образ жизни в его отсутствие. Жена брата приписывает ей злодейства, которые совершает сама.

В данном случае инвалидность сказочной героини близка к восприятию физического ущерба как знака мученичества. Болезнь рассматривается как некий знак избранности, свидетельство принадлежности человека к группе «знающих». В этом случае инвалидность – это некое указание на то, что это не совсем обычный человек, что он связан с иным миром, наделен особыми, сакральными знаниями. Именно к нему в случае необходимости будут обращаться за помощью и советом.

Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками и так далее. Такое отношение закреплено в пословицах:

² Поскольку церковь понимается как мистическое Тело Христово, то разрушение этого тела карается физическим недугом, связанным с нарушением функционирования тела человека-святотатца.

Умудряет Бог слепца, Слепец духом прозревает и т.д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются *божьи люди*, необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [Иванова 2004: 187–199; Фадеева 2004: 200–217; Шеваренкова 2003: 247–254; Добровольская 2001: 95–105; Добровольская 2000: 137–152].

Безусловно, Безручка воспринимается именно как такая знаковая героиня, отмеченная, избранная. Она стойко преодолевает страдания, выпавшие на ее долю, не ропщет на судьбу (а в ряде вариантов на Бога). Она покорна воле брата и мужа. Доказательством ее избранности отчасти является и рождение ею чудесного ребенка – сына, у которого *по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, по косицам часты звезды, во лбу солнце, в затылке месяц* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 1] или ... *в комнаты засияло – такой сын родился. Во лбу солнце пекет, в затылке месяц. А по косицам мелки звездочки рассыпаюца, а за ушмы зори замыкаюце* [Балашов 1970: 47].

Брат отвозит сестру в лес и обычно отрубает ей руки по локоть. В некоторых вариантах он наносит сестре и более серьезные увечья: ... *отсек сестре руки да ноги, и оставил ее так в лясу, а сам и уехал домой* [Зеленин 1997: 73] или *Вот приехали они в лес, к синему морю; взял брат отрубил одну руку сестры, отрубил другу, отрубил обе ноги по колено, оставил ей подорожников, а сам уехал домой...* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 39]. Иногда нанесенный ущерб ограничивается только пальцами или кистями рук: *Размахнулся, одним взмахом отрубил ей пальцы* [Королькова 1969: 70–77] или *Положила она руки на пень; он по кистям обсек* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 1], но и это делает героиню инвалидом и человеком, не соответствующим получаемому социальному статусу царевны: *Царевна у нас урода – без рук* [Королькова 1969: 70–77].

Героиню постоянно называют красавицей: *Глянул – она красавица. Краше нету* [Озаровская 2000:37]; *А она была такая красавица, что зрел бы на нее, смотрел, очей не сносил* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 39], но подчеркивают при этом ее физическую ущербность: Она была красивая девушка, только у нее не было рук [Гончарова 1999: 260–261]. Безручка вызывает жалость и сострадание героя (и самого сказочника): *А сам плачет, рыдает, потому что ему так жалко: такая хорошая девушка – и вдруг без рук!* [Самоделова 2013: 126].

Несоответствие красоты и немощности также является знаком избранности героини. Для мужского персонажа, например, в сказках

«Неумойка» (СУС 361) или «Незнайка» (СУС 532), ситуация иная: психическая неполноценность, нарушение общепринятых норм поведения скрывают истинный облик героя. Другие угнетаемые женские персонажи скрывают свою красоту под лохмотьями и грязью, или их заставляют ее скрывать противники невинно гонимых девушек. В рассматриваемой сказке героиня не скрывает свой истинный облик, ее красота, так же как и ее болезнь, видны окружающим. Но здесь инвалидность героини используется сказочниками как средство и критерий характеристики других персонажей. Царевич, несмотря на увечья Косоручки, женится на ней, его родители жалеют девушку; получив подложное письмо, они плачут, жалеют внука и невестку, *казнить рука не поддается* [Озаровская 2000: 37].

Иногда, родители мужа выступают противниками героини: ... *родители без него и вздумали свезти ее назад в лес и положили на старое место* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 39], но их злодеяние способствует излечению девушки, а сын наказывает их за преступление: *Он повесил их на ворота и расстрелял* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 39]. Надо отметить, что сказочники одобряют в этом случае поведение царского сына, поскольку он оказывается поборником справедливости.

Обычно Безручка скитается по лесу, который в данном случае выступает как некое пограничное пространство, но в ряде случаев героиня может оказаться в царском саду. Сад, несмотря на то, что это часть рукотворного, освоенного человеком пространства [Добровольская 2017: 5–18], в данном случае представлен как пограничное пространство, периферия *этого мира*. Девушка с отрубленными руками становится персонажем некоего чужого мира по отношению к миру царского сына. «Неправильная» царская невеста с точки зрения окружающих становится единственно возможной невестой. Недаром юноша говорит: *Благословите – женюсь, не благословите – женюсь* [Русские сказки и песни в Сибири 2000: 39]. В данном случае, ее инвалидность становится знаком правильного выбора царевича.

Не имея возможности сорвать в саду яблоки, девушка надкусывает их прямо на ветке: *захотелось ей поесть, она яблочки надкусывала: сорвать ей нельзя, рук нет* [Худяков 2001: 22]. Этот вариант текстологически сходен со сказкой «*Das Mädchen ohne Hände*» (№31) [Grimm 1812: 31] из сборника Братьев Гримм: *Подошла она к дереву и съела одну грушу прямо с дерева, не срывая, чтобы утолить свой голод, и ни одной не тронула более* [Гримм 2002]. Известны и другие аналогичные варианты: *Хочется ей сорвать яблочко, да нечем;*

она протянула шею да и ртом прямо с дерева, с веточки и сорвала яблочко, накушалась, отошла от яблони и в тени другого дерева легла отдохнуть [Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа 1893: 14] или *Ходит она по саду и своим ртом ошишывает яблочки* [Зеленин 2015: 72]. Иногда беспомощность девушки, невозможность сорвать и съесть яблоко, описывается иначе: хочется яблочков сорвать, а нельзя. Плечиком потрясла яблоню, прижала яблоко коленом и ест [Сказки и несказочная проза 1998: 64].

Отметим, что мотив, связанный с яблоками в саду, встречается и в другом русском варианте. В сказке, записанной В. И. Чернышевым, девушка выходит замуж за царского сына, рождает ребенка и, гуляя с ним по саду, смотрит на яблоки. Это провоцирует ее на обращение к Господу со словами: *если бы у меня были руки сорвать яблочко для меня и для моего детища* [Чернышов 2004: 11]. Просьба услышана: *тут у ней вдруг и отросли руки* [Чернышов 2004: 11]. Еще в одной сказке героиня заходит в сад, ложится под дерево и ждет, когда упадет яблоко, потому что у нее нет рук [Самоделова 2013: 125].

В немецкой сказке девушке помогает ангел: *И стала она на колени, и обратилась к Господу Богу с молитвою. И вдруг явился ангел с небес <...>. Вот и направилась она в сад, и ангел пошел за нею следом...*, в русских вариантах ситуация иная. Девушка справляется со своей бедой относительно самостоятельно, а мотив божественного чуда исцеления появляется в конце сказки и связан преимущественно с обращением героини к Богу. Просьба может и отсутствовать, как, например, в тех случаях, когда героиня встречает своего будущего мужа в саду.

Чаще чудесное исцеление происходит у водного источника или связано с водой. Несчастливая женщина возвращает себе прежнее физическое состояние без всякой просьбы к высшим силам: *Подошла к реке, пить захотелось. Наклонилась, оперлась култышками, встала, а у нее руки выросли* [Королькова 1969: 70–77].

Более типична другая ситуация. Женщину с отрубленными руками выгоняют из дома вместе с новорожденным ребенком. Она оказывается в пустынной местности, мучается от жажды и, увидев колодец, наклоняется к воде и роняет ребенка. В ряде вариантов женщина просит Бога, *чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо свершилось – руки явились; она вытащила сына* [Афанасьев 1985: 280]. Иногда процесс описывается как некий долгий магический акт:

Легла она на берег и стала плакать: «Кабы были у меня рученьки, али бы я своего бладеньча не вынула!» Вот вдруг выросли у ней руки, да нет пестиков. Вот опять стала плакать, пощё пестиков нет... Опеть у ее и пестики

выросли, да не гнучья. Вот и опять плачет, залевается горячими слезами, пощё пестики не гнучья... Ну вот стали у ее и пестики гнучья, она и поймала бладеньча [Зеленин 2015: 72].

В некоторых вариантах героиня слышит голос и даже вступает с ним в беседу:

И она стала молиться богу, и вдруг ей послышался голос: «Испей, ничего не будет». И она стала пить, и вдруг у ее вылетел ребенок в воду, и она тогда закричала: «Господи! Если бы я знала, я бы лучше не стала пить, потому что я утопила своего ребенка». А ей обратно слышится голос: «Бери ребенка из воды». – «Я бы взяла, да у меня рук нету». – «А ты бери своими папоротками». И когда она опустила обрубленные руки в воду, то вдруг у нее приросли руки, и она взяла своего ребенка [Ковалев 1941: 22].

В большинстве вариантов руки у героини вырастают из обрубков. Но в некоторых текстах отрубленные руки прирастают на место: *а голос слышно: – Зайди в воду. Вон руки-те плывут! Она зашла, видит руки к ней плывут и прямо прильнули к окомелоцкам* [Озаровская 2000: 37]. В ряде вариантов Косоручка, уронив ребенка в колодец, просто плачет. В этот момент рядом появляется некий старичок, который велит ей: *Поди нагнись, возьми его*. Женщина объясняет, что у нее *рук нет – одни локоточки*, но старичок проявляет настойчивость и женщина опускает свои обрубки в колодец, и в этот момент происходит чудо – *ей господь и пожаловал – очутились целые руки* [Афанасьев 1985: 279] или *Протянула она к сыну одну руку, за ней другую, смотрит: оби руки целы, будто и не были отрублены* [Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа 1893: 14]. Иногда вместо таинственного старичка появляется Николай Угодник: *Идет старец – Никола, угодник божий* [Афанасьев 1985: 282]. Но, бывает, что в роли спасителя выступает пастух, указывающий ей колодец и велящий ей, когда она роняет туда ребенка: *Не бойся, сунь руки в колодец!* [Сказки Заонежья 1986: 56].

Устранение инвалидности становится, таким образом, окончательным подтверждением особых качеств героини, ее избранности.

Для исследователей этот сюжет является одним из немногочисленных примеров появления христианских мотивов в фольклорной сказке, влияния на нее христианской легенды. Мы видим здесь редкое для сказки исцеление по Божьей воле. Здесь чудо связано с обращением к божественным силам и помощью святых.

Казалось бы, аналогичный мотив отрастания руки мы имеем и в легенде об иконе Божьей Матери «Троеручица». Эта икона относится

к типу Одигитрии, хотя младенец Христос расположен не на правой, а на левой руке Богородицы. Особенностью иконы является то, что на ней изображена третья рука. В ряде случаев это часть оклада иконы – она делается из серебра или, напротив, выделяется более темными, чем руки Богородицы, цветами. Обычно ее располагают под правой рукой Богородицы, как некий самостоятельный элемент. Икона связана с именем Иоанна Дамаскина. Во время возникновения в Византии движения иконоборчества, которое поддерживал император Лев III Исавр, Иоанн написал три трактата в защиту иконопочитания и направил их императору. Тот пришел в ярость, но ничего не мог сделать, так как Иоанн не был подданным его империи, а жил в Дамаске и был сановником при дворе халифа. Лев III прибег к клевете и написал подложное письмо, в котором Иоанну приписывалось желание помочь императору в завоевании сирийской столицы. Это ложное послание и ответ на него императора были направлены халифу. Иоанн был отстранен от должности и наказан за измену отсечением кисти правой руки, которая была повешена на городской площади. Спустя некоторое время Иоанн получил отсеченную руку обратно и, затворившись у себя, приложил кисть к изуродованной руке и стал молиться перед иконой Богородицы. Через некоторое время он заснул, во сне ему явилась Богородица, которая излечила ему руку и велела ей служить Господу. Проснувшись, святой обнаружил, что рука и вправду чудесным образом приросла. В благодарность за исцеление Иоанн приложил к иконе, перед которой молился, сделанную из серебра руку. Это своеобразный знак того, что люди истово верующие могут получить спасение. Рука святого становится своеобразной отсылкой к легенде о возникновении иконы.

Довольно долго именно так и воспроизводился список этой иконы – с серебряной рукой в окладе.

Казалось бы, общим для сказки и легенде об иконе является мотив отрастания рук по Божьей милости. Однако в случае со сказкой мы имеем дело с женщиной, у которой руки отрастают для того, чтобы она спасла ребенка, а в христианской легенде – со святым, у которого прирастает отрубленная рука, дабы он мог славить Христа.

На Руси первые списки иконы появились в XVII веке, а 1661 году ее список в качестве особого дара был преподнесен Патриарху Никону. С этого момента иконография образа стала меняться.

В русских списках существует традиция вписывать третью руку как бы принадлежащей Богородице, то есть изображать Богородицу с тремя руками. Причину этого в церковной литературе найти не удалось, хотя

об иконе писали многие исследователи [Bentchev 1993: 46–52; Татић-Ђурић 1997: 133–160; Мирковић 1974: 233–235].

В русской фольклорной традиции существует целый ряд текстов, в которых объясняется, как возникла икона «Троеручица». В них нет ничего общего с официальной христианской версией. Нет ни Иоанна Дамаскина, ни Льва III, ни жестокой пытки, ни ночных молитв. Более того, в народных легендах нет даже отрубленных рук.

Народ связывает появление иконы «Троеручица» с земной жизнью Божьей Матери. В этих текстах говорится о том, что Богородица с младенцем Иисусом переправлялась через реку, плыть, гребя одной рукой, ей было неудобно и, боясь утонуть, она обратилась к Богу с просьбой даровать ей еще одну руку:

Что такое Троеручица? Щас скажу. Богородица со своим ребенком плыла по реке. В одной-то руке она держит ребенка, а одной-ти гребёт. Тонет, тонет она, погибает. Ей же неловко – вот представь! Ты одной рукой умеешь плавать? Она и говорит: «Господи, погибаю! Хоть бы мне еще одну руку!». Значит, она одной-то его прижала, а другой гребет. Ей Господь дал третью.

Как видно из примера, третья рука отрастает именно у Богородицы. Есть несколько вариантов, также связанных с иконой Троеручицы, но в них появление иконы связано с жизнью обычной женщины:

Что-то женщина плыла, в воде указалась. И ... она одного-то ребенка схватила и говорит: «Господи, дай мне еще одну руку – другого-то». Господь ей и дал еще руку, у ней получилось три руки, и она спасла детей-то. Вот это я слыхала. Такая есть икона – Троеручица.

В этом случае рука отрастает для того, чтобы мать могла спасти тонущего ребенка. И это очень близко к аналогичному мотиву в сказке «Безручка». Однако реализуются эти мотивы в сказке и народной легенде по-разному.

Как отмечалось выше, для русской традиционной культуры болезнь, инвалидность и уродство представляют собой явления, входящие в систему представлений о норме и ее нарушениях. Они являются результатом воздействия на человека мифологических персонажей. Чаще всего люди подвергаются такому воздействию за нарушение определенных поведенческих норм, запретов и предписаний, то есть за нарушение правильного порядка вещей, правильного хода жизни. Люди с внешними физическими аномалиями рассматривались как опасные для социума, поэтому их не допускали к исполнению многих ритуальных действий. Они не ходили славить Христа в Рождество, их не приглашали в сваты и кумовья, они не могли участвовать в скотоводческих обрядах

и т.д. Однако в ряде случаев именно таким людям отдавалось предпочтение при совершении ряда действий. Считалось, что они лучше всего обмоют и обрядят покойника, выкопают могилу. Именно им поручали хоронить падшую от болезни скотину.

Но в рассматриваемых текстах сказки и легенды нет нарушения запрета – ни Безручка, ни Богоматерь ничего не нарушают. Одна безвинно оклеветана, а другая оказывается в опасной ситуации. Безручка утрачивает руки, а потом по Божьей милости их возвращает – то есть ее внешний вид возвращается к норме. С Троеручицей ситуация иная – Богоматерь изначально соответствовала понятиям о норме, и ее просьба как раз разрушила привычную норму – она на первый взгляд как будто попадает в категорию людей с уродствами. Но эта отросшая третья рука становится знаком избранности. В христианском учении рука Иоанна Дамаскина указывает на то, что от Богородицы приходит благодать и спасение. Перед этой иконой молятся о защите от врагов; при угрозе дому или семейному благополучию; об увеличении благосостояния и желая здоровья родным или близким. А народное православие ей приписывает способность излечивать болезни конечностей. Она часто является увечным и велит им совершать определенные действия, которые способствуют их излечению. И еще Троеручице молятся во время большой и тяжелой работы, «чтобы третья рука помогла».

На основании сопоставительного анализа текстов видно, что сказка использует две мотивировки, объясняющие ликвидацию увечий героини. Одна из них связана с элементами чудесного, которые присущи данному жанру (руки отрастают от волшебной воды; от помощи мифологического персонажа и т.д.). Другая мотивировка связана с христианскими мотивами (героине помогает святой, молитва, сам Господь Бог). В этом случае сказка близка к легендам о появлении у Богородицы третьей руки. В народной легенде происходит заимствование мотива из сказки, но реализуется он в рамках художественных средств, присущих уже данному жанру. В то же время легенда начинает влиять на сказочную поэтику и первоначальная мотивировка образа, связанная с чудом, которое зависит от мифологического персонажа или волшебного предмета, постепенно заменяется другой, связанной уже с христианским чудом. Таким образом, «мотив отрастания рук» в русской фольклорной традиции может реализовываться двояко: как возвращение к норме и как своеобразный знак избранности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BENTSCHEV, I. (1993): *Die «Dreihändige» Gottesmutterikone im Hilandar-Kloster auf Athos*. Hermeneia. Zeitschrift für ostkirchliche Kunst. Bochum, 3. s. 46–52.
- DAUMLING, H. (1912): *Studie über den Typus des «Madchens ohne Hände»*. München.
- GRIMM, BRÜDER (1812): *Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen herausgegeben von Heinz Rölleke*. Band 3: Originalanmerkungen, Herkunftsnachweise, Nachwort. s. 69–72, s. 455–456.
- SCHLAUCH, M. (1927): *Chaucers Constance and accused Queens*. New York.
- АМОСОВА, С. Н. (2014): «...Ну посыпать ей глаза»: Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время. In: Д. И. Антонов (ред.): *Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии*. Москва: РГГУ, с. 306–316.
- АФАНАСЬЕВ, А. Н. (1985): *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах*. Т. 2. Москва: Наука.
- БАЗИЛЕ, ДЖ. Б. (2016): *Сказка сказок или Забава для малых ребят*. Санкт-Петербург: Мировая классика.
- БАЛАШОВ, Д. М. (1970): *Сказки Терского Берега Белого моря*. Ленинград: Наука.
- БАРАГ, Л. Г., БЕРЕЗОВСКИЙ, И. П., КАБАШНИКОВ, К. П., НОВИКОВ, Н. В. (1979): *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука.
- ВОЛКОВА, Т. Ф., ЧУПРОВА, Г. В. (1999): К изучению Повести о царице Персике. In: Е. К. Ромодановская, А. Б. Соктоев (ред.): *Традиция и литературный процесс*. Новосибирск: изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГМ СО РАН, с. 16–25.
- ГОНЧАРОВА, А. В. (1999): «Золотые зерна»: сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция.
- ГРИММ, Я., ГРИММ, В. (2002): *Полное собрание сказок*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. Е. (1997): Несказочная проза о разрушении церквей. In: В. Е. Добровольская. *Славянская традиционная культура и современный мир*. Вып 2. Москва: ГРЦРФ, с. 76–88.
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. Е. (1999): Несказочная проза о разрушении церквей. In: А. Н. Розов (ред.) *Русский фольклор*. Т. XXX. *Материалы и исследования*. Санкт-Петербург: Наука, с. 500–512.
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. Е. (2000): Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великодержавии. In: О. Г. Севан, Г. В. Судаков (ред.): *Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия*. Вологда: Легия, с. 137–152.
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. Е. (2001): Народные представления о колдунах в несказочной прозе. In: И. А. Морозов (ред.): *Мужской сборник*. Вып. 1: *Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор*. Москва: Лабиринт, с. 95–105.

- ДОБРОВОЛЬСКАЯ, В. Е. (2017): Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов. In: И. Н. Райкова (ред.) *Семантика леса и сада в русской литературе и фольклоре*. Москва: МГПУ, с. 5–18.
- ЕЛЕОНСКАЯ, Е. Н. (1907): Некоторые замечания о роли загадки в сказке. In: *Этнографическое обозрение*. № 4, с. 78–90.
- ЗЕЛЕНИН, Д. К. (1997): *Великорусские сказки Пермской губернии*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- ЗЕЛЕНИН, Д. К. (2015): *Великорусские сказки Вятской губернии*. Сборник Д. К. Зеленина. Иваново. 2015.
- ЗУЕВА, Т. В. (1982): Рождение сказки (АТ 706). In: А. М. Новикова (ред.): *Фольклор и литература. Проблемы их творческих взаимоотношений*. Москва: ГОПИ им. Н. К. Крупской, с. 43–65.
- ИВАНОВА, А. А. (2004): Легенды о прозорливых Уржумского края. In: А. А. Иванова (ред.): *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 3 Москва: Изд-во Моск. ун-та, с. 187–199.
- КОВАЛЕВ, И. Ф. (1941): *Сказки И. Ф. Ковалева*. Москва: Государственный литературный музей.
- КОРОЛЬКОВА, А. Н. (1969): *Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой*. Москва: Наука.
- КУЗЬМИНА, В. Д. (1958): Источник повести о царевне Персике. In: В. И. Малышев (ред.): *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 14. М., Ленинград: Изд-во АН СССР, с. 449–452.
- МИРКОВИЧ, Л. (1974): Икона Богородицы Троеручицы. In: *Иконографические штудии*. Нови Сад, с. 233–235.
- МОРОЗ, А. Б. (2000): Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей). In: *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова*. Вып. 6. Москва: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, с. 177–185.
- ОЗАРОВСКАЯ, О. Э. (2000): *Пятиречье*. Санкт-Петербург: Тропа Трояна.
- [Русские сказки и песни в Сибири] (2000). *Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии*. 1902 и 1906 гг. Санкт-Петербург: Тропа Трояна.
- САМОДЕЛОВА, Е. А. (2013): *Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков: в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов*. Тексты. Рязань.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* (1893): Вып. 15. Отд. 2. Сказки, записанные в станице Слепцовой П. Семеновым. Тифлис.
- Сказки и несказочная проза (1998): In: Н. М. Ведерникова, Е. А. Самоделова (ред.): *Фольклорные сокровища Московской земли*. Москва: Наследие.
- СТРАПАРОЛА, ДЖ. (1978): *Приятные ночи*. Москва: Наука.
- ТАТИН-ЂУРИЋ, М. (1997): Тројеручица светога Саве и њен култ у православном свету. In: *Zbornik Narodnog muzeja: Istorija umetnosti*, Том 16, Вып. 2. Београд: MUZEJ, с. 133–160.

- ФАДЕЕВА, Л. В. (2004): Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская. In: А. А. Иванова (ред.): *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 3 Москва: Изд-во Моск. ун-та, с. 200–217
- ФАДЕЕВА, Л. В. (2003): Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра). In: Т. Г. Иванова (ред.): *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, с. 123–126.
- ФЕДОРОВА, М. С. (2014): К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII века (На примере «Повести о царевне Персике»). In: В. П. Гудков, А. Г. Машкова (ред.): *Славянский вестник*. Вып. 1–2, с. 267–274.
- Фольклор Сосновского района Нижегородской области (2013): In: К. Е. Корепова (ред.): *Фольклорное наследие Нижегородского края*. Т.1. Нижний Новгород: Растр-НН.
- ХУДЯКОВ, И. А. (2001): *Великорусские сказки. Великорусские загадки*. Санкт-Петербург: Тропа Трояна.
- ЧЕРНЫШОВ, В. И. (2004): *Сказки и легенды Пушкинских мест*. Санкт-Петербург: Наука.
- ЧОСЕР, ДЖ. (2012): *Кентерберийские рассказы*. Москва: Наука.
- ШЕВАРЕНКОВА, Ю. М. (1998): *Нижегородские христианские легенды*. Нижний Новгород: КиТиздат.
- ШЕВАРЕНКОВА, Ю. М. (2003): Знаменитые блаженные Дивеевской земли. In: А. А. Иванова (ред.): *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 2. Москва: Изд-во Моск. ун-та, с. 247–254.
- ЯСИНСКАЯ, М. В. (2013): «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий). In: *Славяноведение*. № 2, с. 79–89.
- ЯСИНСКАЯ, М. В. (2016): Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян. In: М. Л. Ремнева (ред.): *III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»*. Труды и материалы. Москва: МАКС Пресс, с. 594–596.

ПРОФИЛЬ АВТОРА

Варвара Евгеньевна Добровольская – кандидат филологических наук
Заведующая отделом научных исследований, ученый секретарь редакционно-экспертного совета Государственного центра русского фольклора

Сфера научных интересов: Русская волшебная сказка, народный календарь, похоронно-поминальная обрядность, запреты и предписания в фольклоре и традиционной культуре, речевая стереотипия, региональные фольклорные традиции, история русской фольклористики, фольклор и литература.

Центр русского фольклора
Государственного Российского Дома
народного творчества имени В. Д. Поленова
Россия

101000 Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3;

Потаповский пер., 16/5, стр. 3

<http://www.folkcentr.ru/>

dobrovolska@inbox.ru

Bogusław Skowronek. *Mediolingwistyka*. Wprowadzenie. Kraków, 2013, 286 ss., ISBN: 978-83-7271-806-8.

Książka Bogusława Skowronka zatytułowana *Mediolingwistyka* ukazała się już przed paroma laty. Jej głównym celem była odpowiedź na pytanie sformułowane we wstępie: „czy można zbudować wspólną płaszczyznę badawczą, która stanowiłaby teoretyczne i metodologiczne zaplecze dla rozmaitych analiz, czasem bardzo odmiennych formalnie zjawisk językowych, charakterystycznych dla poszczególnych technologii medialnych” (s. 15)? Omawiana książka jest *de facto* rozbudowaną twierdzącą odpowiedzią na to pytanie. Zdaniem Autora współczesne dyscypliny badawcze – przede wszystkim humanistyczne, spośród których za najważniejsze uznane zostają lingwistyka, etnologia, socjologia, psychologia, neurologia i medioznawstwo – pozwalają na stworzenie takiego narzędzia. Tak ujęty postulat badawczy jawi się jako wyjątkowo ambitne przedsięwzięcie, tym ważniejsze, że w przekonaniu Autora „językoznanstwo musi być dziś konglomeratem wielu podejść badawczych – jeśli w ogóle zamierza skutecznie i efektywnie opisywać rozmaite postaci języka we wszystkich swoich przejawach” (s. 91). Inaczej rzecz ujmując, Autor wierzy, że interdyscyplinarność jest jedyną drogą, jaką ma przed sobą lingwistyka i stara się w oparciu o interdyscyplinarność zbudować „teoretyczne założenia (...) subdyscypliny językoznawczej, która zajmowałaby się językowym wymiarem komunikacji medialnej” (s. 18).

Warto wskazać na podstawowe założenia, z których Autor wychodził tworząc swoją koncepcję. Pierwszym założeniem jest, że „wbrew prognozom z lat 90. XX wieku, wieszczącym kres myślenia opartego na języku oraz postlingwalny charakter kultury (...) słowo dalej jest (wszech)obecne” (s. 13). Założenie to ma wedle Autora stanowić wystarczające uzasadnienie do ciągłego rozwijania metod lingwistycznych. Założenie drugie mówi, że media są nie tyle nośnikami pewnych zjawisk językowych, ale w pierwszym rzędzie są „istotnymi w życiu człowieka maszynami sensotwórczymi” (s. 12). I wreszcie

założenie trzecie – najbardziej chyba oczywiste, nie sposób go tu jednak nie wspomnieć – nowe technologie medialne mają zasadniczy wpływ na język (system gramatyczny) oraz na formy kontaktu (s. 10). Nie wypada w tym miejscu nie zwrócić uwagi na fakt, że u Skowronka brakuje wystarczającego uzasadnienia przyjęcia tego założenia. Wydaje się ono oczywiste, jednakże w odniesieniu do języka polskiego brakuje chyba wystarczającego opisu owych zmian.

Niewątpliwym problemem pierwszej części książki jest, wynikające z niemal każdego stwierdzenia, przekonanie o wyjątkowości współczesności i wyjątkowości sytuacji komunikacyjnych przez współczesność tworzonych. W rozdziale pierwszym Autor powołuje się przede wszystkim na badaczy, którzy nie specjalizują się w zagadnieniach językoznawczych, ale raczej w szeroko rozumianej antropologii, teorii literatury czy studiach komunikacyjnych. Nie brakuje zatem odwołań do Ryszarda Nycza czy Michela Foucaulta. Czy jest to złe? I tak i nie. Z jednej bowiem strony Autor wyraźnie zaznacza, że w tej części tekstu zajmować się będzie kwestiami kulturoznawczymi, z drugiej jednak strony krok ten sprawia, że sformułowane sądy są na tyle ogólne, że nie sposób z nimi polemizować. Co więcej, ciężko jest stwierdzić, czy rzeczywiście są one niezbędne do budowania jakiegokolwiek teorii w ogóle, a teorii subdyscypliny językoznawczej w szczególności. Z odrobiną złośliwości można wręcz stwierdzić, że pierwszy rozdział książki jest dodatkowym krokiem w ciągłym i niekończącym się procesie nadprodukcji semiotycznej, o którym w kontekście współczesnych sytuacji komunikacyjnych pisze sam Autor (zob. szczególnie s. 31–33).

Tak zakreślony horyzont teoretyczny może być tylko częściowo użyteczny dla badacza języka z jednego prostego powodu. Językoznawstwo, w przeciwieństwie do teorii literatury, nie może sobie pozwolić na czynienie z dekonstrukcjonistycznego przekonania o braku stabilnego centrum (por. s. 32) punktu wyjścia do tworzenia jakichkolwiek subdyscyplin czy modeli poznawczych, a to z jednego prostego powodu – językoznawstwo ma ściśle zdefiniowane centrum, którym jest język. Współczesność być może stworzyła miazmatyczne i zdecentralizowane formy kultury, fakt ten nie pociąga jednak za sobą konieczności dostosowania wszystkich metodologii do tego stanu rzeczy, wliczając w to metodologie językoznawcze.

Dopiero w rozdziale III Autor porzuca rozważania o ogólnym stanie kultury na przełomie XX i XXI wieku i przechodzi do sedna problematyki związanej z językiem mediów. Tradycyjnie rozumiane językoznawstwo ma dla Skowronka zbyt wąskie horyzonty i jest zbyt zamknięte na ustalenia innych dyscyplin naukowych, dlatego też w objaśnianiu specyfiki języka medialnego sięga po pojęcie dyskursu, które obok pojęć tekstu i kontekstu (por. s. 110)

mają stanowić bazę nowej subdyscypliny. Nie kryje też Skowronek inspiracji metodami socjolingwistycznymi i kognitywistycznymi.

Za centralną część językoznawczych dociekań Skowronka należy uznać roz. IV zatytułowany „Językowe odmiany medialne”. Cała wcześniejsza podbudowa teoretyczna czerpiąca – jak to przed chwilą podkreśliłam – z często całkowicie odmiennych ujęć teoretycznych ma prowadzić do stworzenia subdyscypliny, która w naturalny sposób radziłaby sobie z tekstami powstającymi w obrębie różnych odmian języka medialnego. Skowronek tworzy własną stratyfikację języka medialnego, która obejmuje odmiany prasową, filmową, radiową, telewizyjną i internetową (s. 163). Mediolingwistyka ma w zamierzeniu Autora być narzędziem, które pozwala pominąć różnice pomiędzy tymi typami medialnego użycia języka, co wydaje się niezmiernie ciekawą propozycją, negującą w niektórych przynajmniej aspektach, funkcjonujące dziś systemy stratyfikacyjne funkcjonujące w języku polskim. Mediolingwistyka miałaby bowiem sobie radzić z ważnym dla współczesnej polszczyzny rozróżnieniem na język mówiony i pisany. Elementem unifikującym te odmiany języka miałyby być nośnik językowy, który w ujęciu Skowronka jest kluczowy w analizie przekazów medialnych.

W dalszej części książki Autor skupia się na omówieniu poszczególnych odmian medialnych. W niektórych wypadkach analizy te wydają się dość mało odkrywcze np. „mediolingwistyka, świadoma tych wszystkich aspektów specyfikujących medialną przestrzeń zwaną „telewizją” musi mieć świadomość, że wpływają one na kształt językowy przekazywanych w niej komunikatów” (s. 217). Stwierdzenia takie – niewątpliwie słuszne – nie poszerzają jednak znacząco horyzontów badawczych. Częściowo wyjaśniają one też, dlaczego ambitna próba stworzenia subdyscypliny zajmującej się językiem mediów, nie okazała się na tyle atrakcyjna, by wzbudzić żywą dyskusję, co musi prowadzić do postawienia pytania, czy lektura recenzowanej książki wymusza na czytelnikach zgodę z przekonaniem Autora, iż przed językoznawstwem nie ma innej drogi niż redefinicja oparta o multidyscyplinarność?

Teoretyczny charakter książki nie pozwala na to pytanie jednoznacznie odpowiedzieć. Niewątpliwie w książce zostają postawione pytania o granice poznawcze współczesnego językoznawstwa i niedostatki narzędzi służących do analiz tekstów medialnych. W tym sensie książka Skowronka jest pierwszą od dawna stosunkowo spójną propozycją mającą na celu stworzenie metodologii do badania przekazów medialnych. Książka stawia istotne pytanie nie tylko o funkcjonalność współczesnych narzędzi językoznawczych, ale również o przyszłość całej dyscypliny i pytania te są dziś tak samo aktualne jak w momencie, gdy książką ukazywała się drukiem. Z drugiej jednak strony

Skowronek praktycznie w ogóle nie wskazuje na to, jakie wymierne korzyści warsztatowe miałyby przynieść jego teoretyczna propozycja w stosunku np. do funkcjonującej w obiegu naukowym krytycznej analizy dyskursu. Z większością sądów zawartych w książce nie wypada się nie zgodzić. Należy również wyraźnie podkreślić, że wciąż nie stworzono sensownego i spójnego modelu analizy tekstów medialnych, który byłby alternatywą dla propozycji zawartych w recenzowanej książce i to jest główny powód, dla którego do książki Skowronka warto wrócić pomimo upływu kilku lat od jej opublikowania. Okazuje się bowiem, że wysiłek Autora poszedł, póki co, na marne – dyskusja nad językiem mediów nie posunęła się wyraźnie do przodu, mimo iż książka *Mediolingwistyka* jest doskonałym punktem wyjścia.

Ivana Dobrotová

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica),

jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo docx (např. novak.docx, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně

názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract.

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words.

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat. Mezititulky neoddělovat mezerami. Je nutno povolit funkci „dělení slov“.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Obsáhlejší ukázky z krásné literatury nebo lingvistické příklady uvádějte dle následujícího vzoru:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988, 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сіетла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач пожертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica* XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Elektronické zdroje:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права публиковать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica), jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением doc. или docx. (например, *novak.doc* или *novak.docx*).

Структура статьи

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова Abstract. Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой Key Words).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать. Необходимо включить функцию «расстановка переносов».

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным. Большие по объему цитаты из художественной литературы или лингвистические примеры оформляйте по следующему образцу:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988, 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сієтла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач пожертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Цитаты выделяют кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*.

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Электронные источники:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации

Электронная почта автора

ISSN 0139-9268 (print)
ISSN 1804-1434 (online)